

СИРОТСТВО РОССИИ

«Неприкаянность, незащитность, похожая на сиротство, неужели это реальность, неужто и впрямь таков

удел России? Не может этого быть... ты пессимист, у тебя просто худое настроение...»

Так думалось раньше, пока я не стал депутатом. Сидя же в Верховном Совете, когда увидел немножко больше обычного, я понял, что дело вовсе не в моем настроении. Ясно и остро обозначилось для меня сиротство России — моей большой Родины. И пришла в голову мысль: А. Т. Твардовский для того и придумал термин «малая родина», чтобы не говорить о большой... Еще, слушая грозные адвокатские речи, вспоминал повесть Сергея Залыгина «На Иртыше». Мне представилось однажды, что главный герой в этой повести не Степан Чаузов, а Некто под странным названием Ю-рист, именно через черточку. Не имя даже, а почти графический знак.

Да, снова пошли в ход ю-ристы, адвокаты, специалисты по экономике, но защитить Россию покамест некому, и все издержки казарменного социализма списываются на Россию.

Обворованная и оскорбленная, с недоумением глядит она вокруг себя и не видит ни друзей, ни соратников. Даже в Софии прозвучали митинговые антирусские возгласы, даже там печатаются русофобские сочинения про деда Ивана. К тому же за морями и сухопутными рубежами, с коих снимаются заставы и заграждения, нет-нет да и послышится такое примерно утверждение: «Нет же давно никакой России! Значит, и трагедии нет...».

Конечно, тут явно желаемое возводится в ранг действительного. Россия все-таки существует. Тогда на чем она держится? Не на одних же бутылках? Правительство, ободренное ю-ристами и шустрыми академиками, ежегодно выпаивает нашему народу на десятки миллиардов рублей одурманивающего ядовитого пойла. А Россия все еще на своих ногах. Ноги, правда, сильно иной раз подкашиваются — то Арзамас, то Чернобыль. Ободранная, как придорожная липка, Россия не имеет даже достойных политических лидеров. Нельзя же называть политическими лидерами деятелей так называемой «Демократической России». Эти готовы продать за доллары все, что у нас есть, — от острова Сахалина до последней корзины с морошкой и клюквой.

Может, столица у россиян осталась хотя бы одна из двух? Москва стоит на земле девятый век. Враги государства не однажды выжигали ее дотла. Один раз русские подожгли Москву сами. Зачем? Очень просто: что-

бы выкурить врагов из пределов Отечества. Еще раньше Москва благословила на подвиг народную армию Дмитрия Донского. Воины шли от Москвы на явную гибель, чтобы спасти честь и будущее Руси. Разбив интернациональные полчища Мамай, они все полегли на обширных лугах Куликова поля. (Я прошу редактора не вычеркивать слово «интернациональные», так как в войсках Мамай сражались против нас даже генуэзские латники). А сколько легло на Бородинском поле? Причем эти погибли дважды. Один раз в бою, другой раз при взрыве храма Христа Спасителя. Я уже не говорю о сибирских полках, polegших в «белоснежных полях под Москвой» во время войны с фашизмом. И все это для того, чтобы Москва оставалась русской столицей, столицей всех народов, населяющих просторы России, чтобы она оставалась средоточием нашей духовности и культуры, главным нервным узлом нашей государственности.

И вот борисоглебский депутат российского съезда, взобравшись на главную трибуну страны, предлагает российским депутатам уйти из Москвы, сделать столицу в другом месте. И никто ни единым словом не возразил ему, никто не рванулся к микрофону. Зато, когда шельмовали редактора российской газеты Чикина, рванулся к микрофону Воротников — один из российских лидеров. Думаете, заступился? Ошибаетесь...

Вообще дело с российской прессой и телевидением из рук вон худо. Газет и журналов у «шовинистов» (так называют почти всех сторонников русского возрождения) раз, два — и обчелся, обещанного канала ТВ и радиостанции нет как нет. Надеяться не на кого. Теперь нет цензуры, но придуман новый, более надежный способ зажимать рты: не давать бумаги под видом ее нехватки. Но почему же хватает бумаги для кооператоров, публикующих бесстыжую макулатурную продукцию? Да, надеяться действительно не на кого. Газета «Правда» давала места съезду России примерно столько, сколько Ордену колдунов (см. номер от 20 мая 1990 г.). А то и того меньше. Либо «Правда» не была главной газетой страны, либо РСФСР — не главная республика. (Многие, впрочем, предпочитали бы и то и другое вместе.) Обширная, в шестнадцать полос, газета «Советская культура» представляла слово анонимщику и его устами называла трансляцию съезда по ТВ «засорением эфира».

Куда же еще дальше? Нет у моей Родины ни верховного органа власти, ни средств массовой информации, ни главного храма для верующих. (Успенский собор в Кремле превращен в музей¹, словно все поголовно христиане давно стали атеистами).

Слушая многих питерских депутатов (да и московских тоже), трудно было избавиться от горького ощущения несоответствия, чувствовалось в их выступлениях какое-то странное равнодушие к судьбе России. Похоже, что Россия нужна была им только до выборов. Если так настроены питерцы и москвичи, то что говорить о наших «доброхотах» в Париже и Вашингтоне? Большинство из них, имеющих в руках средства радиовещания, газеты, издательства,— равнодушны к России и еле сдерживают более радикальные чувства. Особенно боятся они звона московских колоколов. Россия безгласна. На великое горе армянского народа, пережившего гибельное землетрясение, отозвался весь мир. Трагедия русской деревни, которую «трясет» уже несколько десятилетий, мало кого волнует.

Да нет же, не надо ей никаких подачек, русской деревне! Ни в марках, ни в долларах... Она сама справится со своими бедами, сама выйдет на столбовую дорожку да еще и всю Россию за собой выведет. Только не мешайте нам жить на своей земле, не подсобляйте недругам нашим ни морально, ни материально. Не платите налогов, идущих на содержание радиостанций, которые иной раз просто захлебываются в русофобских истериках.

Но не потому ли и возникают то тут, то там очаги русофобии, что Россия очнулась и хочет выйти из-под колониальной зависимости? Многолетний грабег наших природных национальных богатств принимал разные довольно хитрые формы, маскировался разными лозунгами. То индустриализация, то братская помощь, то «выгодная» торговля с капиталистами. То еще что-нибудь. Нынче, в эпоху кооперативов, разбазаривание ресурсов приобрело второе дыхание. Завороженные успехами западной технологии, мы покупаем уже все подряд, хотя чуть ли не все вполне можем делать сами. Собственные изобретения и открытия мы не желаем внедрять у себя,

---

Нынче собор передан, наконец. Московской патриархии, а газета «Правда» вдруг встала в оппозицию к официальным властям.

за границей их быстренько прибирают к рукам и продают нам же. А мы опять залезаем в долги и расплачивается лесом, нефтью, газом, редкими минералами и драгоценным металлом.

Неужели и новые депутаты России не почувт опасность продолжающегося разора?

* * *

В августе 1989 года (за два года до знаменитого крымского фарса, продолженного в Москве) опять я не утерпел и выпросился у А. И. Лукьянова на главную трибуну страны. И кажется, просил добавки по времени, наивно предполагая, что принесу пользу своим выступлением. Ах, не я один страдал подобной наивностью! Думал ли умный, уверенный в своих силах, опытный в политике Анатолий Иванович, объявленный лучшим спикером Европы, что окажется за решеткой? «Близь царя — близь смерти»... А сколько пословиц иных создал русский народ на эту тему...

«Вчера мы обсуждали проект «Закона о коллективных трудовых спорах». Какое безобидное, почти лирическое название! Но мы напрасно обманываем себя. Забастовка всегда, а в нашей стране в особенности, является прежде всего политической акцией, и мы никуда не денемся от этого, никуда не спрячемся. Уже одно то, что забастовка при определенных обстоятельствах вызывает в государстве разруху и хаос, делает это явление политическим. Иногда забастовка равносильна общественному самоубийству. Существует ли законная забастовка? Я не знаю. Знаю одно: когда горняки не спустились в забой, это бастовала сама Россия. Шахтеры отстаивали не «тормозки», не мыльные пайки, они отстаивали прежде всего свои национальные интересы, то есть интересы русского и украинского народа. Потому что в штреки спускаются в основном украинцы и русские, да и у мартенов стоят тоже в основном они. Такова, уж извините, статистика. Рабочий класс складывался главным образом за счет этих республик, но именно в этих республиках меньше, чем в других, вузовских дипломов и квадратных метров жилья на душу населения. Здесь низкая рождаемость и высокая смертность мужского населения. Многие забастовщики — это сыновья и внуки вчерашних крестьян, уцелевших в годы «ве-

ликого перелома», в годы украинского и южнорусского геноцида 1933—1935 годов. Иные виновники искусственного этого голода живы до сих пор. Фашистских преступников вылавливают и судят и сейчас, а наши домогщенные преступники живут и здравствуют.

Если бы речь шла только о прошлых обидах и бедствиях, может, и не было бы такого крайнего общественного потрясения, как массовая забастовка. Но ведь обиды и притеснения шли почти непрерывно, идут и по сей день. В Вологде и Череповце, например, половина рабочих всю жизнь живет в общежитиях. В Череповце обстановка такая, что больше половины детей рождаются больными. Но многие люди и рождаются, и живут, и умирают в общежитиях, так и не обзаведясь семьей, то есть квартирой,— потому что нет семьи, а семьи нет, потому что нет квартиры.

На Кавказе, я слышал, продаются частные сельские дома стоимостью под миллион. У меня на родине продаются дома за 300—400 рублей. Миллионы или сотни тысяч вологодским жителям даже не снятся во сне. Не буду говорить, против чего еще выступали шахтеры. И в этих условиях наивно звучат наши разговоры о трудовых спорах.

Вообще, как мне представляется, многие из нас не умеют и не хотят мыслить по-государственному. У большинства, я бы сказал, региональный способ мышления. «Межрегиональный» способ мышления, по-моему, тоже тут не годится.

Мир с интересом, иногда со злорадным ехидством следит за каждым нашим движением, за каждым словом. Но мы должны знать, что мир не любит рутины. Он презирует пошлое единообразие. От каждого народа, от каждого государства мир ждет оригинального, своеобразного мышления, в том числе и в культурном, и в государственном строительстве. Подражательство обрекает на отставание, даже в экономике. Разве японская экономика похожа на какую-нибудь иную? Существует способ производства, обусловленный национальными традициями, природно-климатическими и другими особенностями. Похоже на то, что некоторые депутаты не допускают никакой иной демократии, кроме как по американскому образцу. Мы уже выработали на сессии синдром заимствования, подражания, преклонения перед всем иностранным, что называлось в русском народе

«чужебесием». «Чужебесие» охватило многих, даже вновь избранных министров и некоторых высокопоставленных деятелей. Берем займы не только деньги, заимствуем и западную парламентскую терминологию, вроде: «леворадикальные группы», «сдвиг вправо», «центрист» и так далее. Есть люди, которые позаимствовали уже и государственное устройство.

Но жизнь устроена так, что она противится нивелированию. Везде все по-разному, в том числе и у нас в стране. Вот привезли турок-месхетинцев в Смоленскую область и начали учить их растапливать русскую печь. Уверяю вас, толку от этого не будет. Даже хлеб люди разных национальностей пекут по-разному. Так можно ли выпекать одинаковые для всех народов и государств парламентские обычаи и законы? Национальные особенности в языке, в танце, в музыке, в одежде, в бытовом, общественном поведении не исчезли и, надеюсь, никогда не исчезнут.

История показала со всей наглядностью, что люди не хотят быть людьми вообще. Они хотят быть эстонцами, грузинами, армянами, казаками, немцами, французами. Так не пора ли решительно и смело признать ошибочность идеологической установки марксизма по поводу слияния и исчезновения наций? Желание народа быть самим собой слишком долго сдерживалось, а нынче оно прорвалось и вылилось не только в добротные, гуманные, но и в уродливые формы национального эгоизма. Мне хотелось услышать здесь, на сессии, в чем причина ферганской трагедии. Ведь во все время так называемого «застоя» люди в Узбекистане не резали женщин, не стреляли в соседей из автоматов. Мы ничего не услышали по этому поводу. Ташкентские руководители отмалчиваются. Как узнать, кто виноват? Ну, поскольку трагедия уже свершилась, бедные месхетинцы хотели бы вернуться на свою прежнюю родину, то есть в Грузию. Грузия должна была свершить акт справедливости и принять месхетинцев. Этого не произошло. Остается гадать на кофейной гуще, как же грузинские депутаты будут голосовать, когда речь пойдет о крымских татарах? Не последует ли Украина примеру Грузии?

Другой, не менее опасный прецедент был создан переселением правительством турок-месхетинцев в Смоленскую и другие области России. Позвольте спросить, а почему не в Эстонию, не в Латвию? Ведь положение в

Прибалтике с жильем значительно лучше, чем на Смоленщине. Мой отец сражался на смоленской земле и лежит в этой земле, его уже нельзя спросить, как он относится к такому переселению. Но можно и нужно было спросить у живых людей! Меня удивила та легкость, с которой первый заместитель премьера депутат Никитин заявил о свободных землях российского Нечерноземья. Ему и в голову не приходит, каковы могут быть последствия подобных переселений. Что такое вообще переселение — нам уже всем известно. Известно не только ингушам, калмыкам, крымским татарам, но и русским, и украинцам, и белорусам, и латышам. Если позволено с помощью переселений укреплять сельское хозяйство России, то почему бы не разрешить переезд на Смоленщину белорусу, который до сих пор облучается смертоносными лучами? Почему не переселять в Белгородскую область страдающих от радиации украинцев?

Товарищи журналисты из так называемой леворадикальной прессы, только не приклеивайте мне ярлык шовиниста! Ничего не получится. Я готов плакать, когда слушаю грузинские народные песни, радуюсь, что Армения выстояла, когда у нее тряслась земля. Армения выстояла еще и при нашествии рок-музыки, этой чумы. Я радуюсь тому, что армянская молодежь отвергает так называемую сексуальную революцию, армянские девушки и женщины не разучились целомудренному достоинству. У меня радуется душа при виде грандиозного Певческого поля в Литве, я люблю стихи Навои и юмор Ходжи Насреддина. Я хочу, чтобы процветали все народы нашей страны и, конечно, прежде всего русский народ. Неужели это называется шовинизмом?

Меня смутила настойчивость, с которой в министры предлагались люди, непопулярные в стране. Еще больше смутили некоторые заявления самих назначенных на высокие посты. В американском сенате, к примеру, неделями обсуждается, ставить ли на пост выпивающего министра. А многие наши министры не только сами закладывают за галстук, они и народ потчуют. Если в 1965 году было выпито на 15 млрд. рублей, то за 1984 год уже на 52 млрд. рублей. И теперь наш Госплан снова предлагает латать финансовые дыры за счет продажи алкоголя, этого наркотика. Атомщики во главе с академиком Велиховым тоже водят общественность за

нос. Министр финансов Павлов защищает грабительскую пошлину по наследству крестьянских домов. Зато вот пошлину на таможене недавно отменили. Спекулянтам иконами и компьютерами — полный простор. Безответственные слова Маслюкова и Бирюковой по поводу нашего «пьяного» бюджета просто стыдно сейчас повторять, потому что слова эти звучат цинично по отношению к нашему народу, который одобрил и принял и готов был и дальше выполнять законодательство 1985 года. Ни один министр, кроме Бакатина, не вспомнил о страшном народном бедствии, об этом медленном Чернобыле.

Некоторые министерства вообще научились обманывать. Общественность в печати была информирована, будто Катунскую ГЭС строить не будем, а на самом деле она строится. В то же время в коридорах Минэнерго всерьез планируется продажа электроэнергии за рубеж. А кто несет ответственность за порнографическую кинопродукцию, закупаемую за золото? Ее поспешно стряпают и у себя дома. Министр кино не стал отвечать депутатам на эти вопросы. Получается, что никто за массовое развращение наших детей и юношества не отвечает. Ни Комитет по кино, ни Комитет по радио, ни телевидение, ни Министерство культуры. Недостаточную ответственность я ощутил и в выступлении председателя КГБ товарища Крючкова. Я посылаю ему записку с двумя вопросами: существуют ли в стране диверсии на транспорте и в промышленности, существует ли экономическое вредительство? Он, видимо, не успел ответить на записку с трибуны, но в перерыве на оба вопроса ответ был положительным. Вдумайтесь в этот факт, уважаемые члены Верховного Совета!

Экономические и финансовые программы министров, зампредов вызывают очень много тревог и сомнений, а печать наша прямо-таки захлебывается от сообщений по поводу надвигающегося экономического краха, финансовых тупиков, разбалансированности и прочее. Газета «Известия» пишет о свободных зонах как о нормальном, давно ожидаемом для нашей страны. Я считаю, что это не только безответственно, но и преступно. Многие министры и депутаты готовы залезть дальше в долги и брать 12-процентные займы. Двенадцать апостолов в Госплане, я имею в виду заместителей товарища Маслюкова, почему-то не утверждались на сессии. Мы не

знаем о них ничего. Госплан — это единственная уникальная организация, не подвергающаяся никакому контролю. Она устанавливает в стране план, а за выполнение этого плана не отвечает. Предлагаю сделать поправку к Конституции, подразумевающую выборность заместителей председателя Госплана, если нельзя ликвидировать эту организацию совсем.

Я глубоко убежден в том, что переходить на новый хозяйственный расчет надо начинать с РСФСР, а не с прибалтийских республик. Еще лучше сделать это одновременно, но, кажется, я уже опоздал со своими предложениями. Предлагаю, прежде чем брать очередной заем у зарубежных банкиров, попробовать ввести в стране самый жесткий, самый строжайший режим экономии. Экономии во всем, в том числе и в словах».

* * *

Нет, ни в словах, ни в рублях экономии не получилось, наоборот, получилось грандиозное растратничество и того и другого... Весной 1990 года опять я вылез сдуру с увещеваниями депутатам:

«Уважаемые члены Верховного Совета! Вдумайтесь: вы — Верховный Совет, верховная власть. Это значит, что выше вас уже обращаться некуда, выше вас только съезд. Есть ли власть у Верховного Совета и съезда? Есть, разумеется, но я могу доказать, что мы сильно превеличиваем эту власть, в реальности она намного меньше...

На первом съезде большая группа народных депутатов предложила выявить отношение съезда к референдумам по атомной энергетике. Для голосования требовалось всего две-три минуты, но это предложение даже не довели до сведения депутатов. Вот вам и вся верховная власть! Конечно, до матроса Железняка, я думаю, дело не дойдет, но его замашки оказались живучими. Захват Ленинградской студии телевидения — это, мне кажется, всего лишь маленькая репетиция грандиозного спектакля, который обещают нам устроить так называемые «левые радикалы» во главе с Афанасьевым и другими. Скажите, разве предполагал «всемогущий» Сайкин, что ему придется уступить свое кресло редактору экономического журнала Попову? С редакторами вообще, по-моему, шутки плохи. Я не сторонник ни Попова,

ни Сайкина. По-моему, москвичи просто поменяли шило на мыло. Я говорю о непредсказуемости событий.

Можно провести полную аналогию с четвертым блоком Чернобыльской АЭС, вообще аналогию с атомной энергетикой. Так называемый мирный атом непредсказуем, он грозит ядерным геноцидом. Я не могу назвать беспечным все человечество — это было бы с моей стороны слишком самонадеянно. Похоже, однако, что люди ведут себя словно дети, потому что игнорирование смертельной опасности — это свойство детского восприятия внешнего мира. Наука, допустившая Чернобыль, — безнравственна; общество, вскормившее такую науку, — беспечно. Атомная энергетика имеет право на существование только при стопроцентной гарантии на безопасность. Все мы стали заложниками смертоносной дьявольской силы, заложниками этих атомных «кипятильников», которые густо натканы на нашей земле.

Как ведут себя «безопасные» александровские «кипятильники»? А вот как (цитирую прессу): «На Белоярской АЭС пережгли топливные сборки активной зоны на первом и втором блоках. За год до открытия так называемого института ВНИИАЭС второй блок совсем сгорел. Реактор пришлось заливать. Две подряд аварии на Ленинградской АЭС в 1974 году и одна в 1975 году. Все это с переоблучениями, выбросами и жертвами. Уже в первые годы работы заявила о себе Чернобыльская АЭС разрушением центральной топливной сборки на первом блоке, на Армянской АЭС сгорел машинный зал. Обе аварии — в 1982 году. На Балаковской при проведении пусконаладочных работ погибли 14 человек. В 1984 году пожар на Запорожской, Калининской, Южноукраинской атомных электростанциях. Спустя три года — на Игналинской. В нынешнем году (эта статья была опубликована в газете «Труд» в 1989 году) авария парогенераторов на Нововоронежской и Запорожской АЭС».

Это всего лишь несколько фактов, опубликованных в газете. А сколько таких устрашающих случаев нам просто неизвестно?!

Я год назад путешествовал с делегацией по США. Побывали мы в трех штатах и в Вашингтоне. Везде я пытался купить обычный дозиметр, но дозиметров и там тоже не было. Это я к тому говорю, что большинство американцев так же беспечны, как и мы; так же, как и мы, верят они телевидению и газетам, так же в востор-

ге от науки, от так называемого прогресса. Но там здравый смысл все-таки побеждает: американцы отказываются от строительства новых АЭС.

Американская публицистка Хелен Колдикотт в своей книге «Ядерное безумие» пишет, что авария атомной электростанции, представляющая наибольшую угрозу безопасности общества, названа проплавлением. Такое событие может произойти случайно или как акт саботажа. Стержни могут настолько перегреться, что расплавятся, и тогда вся масса расплавленного урана все прожжет. Возможен и взрыв пара, который разорвет на части сосуд с содержимым, выбросив смертоносное радиоактивное содержимое в атмосферу. Хелен Колдикотт как в воду глядела, сказав это за пять лет до нашей великой трагедии, за пять лет до Чернобыля. Она же доказала всему миру, что безвредных доз радиации не существует, что так называемые предельно допустимые нормы, все эти ЦДК, ПДН, ПДД — это все лишь ученый обман и ученый туман. Кто из наших ученых прислушался к ней? Я не знаю. Это тоже тайна для нас.

Мы не знаем, что говорил Валентин Сергеевич Щенников во ВНИИАЭС и в НПО «Энергия», не знаем, почему погиб академик Легасов и что он говорил после Чернобыля. Мнение украинского академика Патона также было нам до сих пор не известно, зато мнение академика Велихова мы выучили чуть ли не наизусть...

Причина Чернобыля — этого величайшего мирового катаклизма — органами госбезопасности до сих пор не выяснена. Расследование, насколько нам известно, приостановлено, как приостановлено и расследование арзамасского взрыва. В народе растет недовольство и недоумение: неужели так все и спустят на тормозах, замкнут, запутают и забудут? Весьма опасными представляются мне вальяжные отношения между нашими домощенными атомщиками и специалистами МАГАТЭ, которые поддержали безнравственные и антинаучные выводы о степени опасности в зараженных зонах.

Еще более опасен такой подход в деле хранения и захоронения отходов атомной промышленности. Откуда свалилась на нашу бедную голову атомная промышленность? Я думаю, что понятно каждому: ее навязал человечеству Марс — бог войны и противостояния. Но давайте не будем хитрить, делать вид, что без атомной

энергетики всем государствам грозит энергетический голод. Это махровая ложь. Только одна бытовая и производственная экономия электричества позволила США прекратить строительство новых электростанций. Стронники атомного заложенничества приводят пример Франции, но не Швеции и не Голландии. Загрязнения вокруг наших АЭС даже при безаварийной работе преступны и недопустимы. Об этом прекрасно знает наше Министерство здравоохранения. Почему же оно берет на себя такую страшную ответственность, когда утверждает так называемые нормы радиационной безопасности?

Мы должны понять, что безвредных искусственных доз радиации нет. Специалисты из министерства трусливо замалчивают ядерную и химическую опасность. В угоду ведомственным и групповым интересам они утверждают фальшивые нормы.

Миф об экологически чистом источнике энергии развеян вместе со смертоносной пылью Чернобыля. А как насчет «дешевизны»? Газета «Правда» сообщила недавно о 18-метровой толщине некоторых участков чернобыльской стены — саркофага. Вот куда ушел фондový цемент с вологодских заводов, которые простаивают из-за этого не только неделями, а даже месяцами! А сколько народных миллионов ушло и уйдет на переселение, на социальную и медицинскую реабилитацию? Вот это и есть атомная «дешевизна». Я не говорю уже о человеческих жертвах, о детях, которым не суждено появиться на свет, и о тех детях, которым суждено умереть от рака. Легенды о дамокловом мече уже давно воплощены в жизнь.

От имени двух общественных организаций: комитета по экологии и комитета по защите Днестра — прошу внести в проект нашего Постановления особый пункт о подготовке референдума по атомной энергетике. Прошу поставить на голосование мое предложение».

* * *

Даже и не подумал Анатолий Иванович ставить на голосование это предложение, поэтому через месяц я снова попытался «вякать» на эту же тему.

«Вы, несомненно, проголосуете за принятие этого закона. И кто осмелится хоть слово сказать против социальной защиты пострадавших?.. Это было бы, конечно, настоящим кощунством. Только вот в чем хитрость. Тема социальной защиты, обсуждаемая сегодня, как бы заслонила, замаскировала собой трагедию мирового, может быть, даже космического масштаба. Величайшее зло нашего времени, не сравнимое ни с чем, спокойно спряталось за нашей (кстати, запоздалой) заботой о живых людях.

Эта забота, закреплённая законом, в будущем, разумеется, необходима. Кто с этим спорит? Но разве этого достаточно? А что мы скажем перед лицом истории о мертвых, которым никакая денежная компенсация уже не нужна? Чем мы будем оправдываться перед будущими непредсказуемыми жертвами? Что, тоже деньгами откупимся или льготами вроде внеочередной установки телефона?

Нам всем надо прежде всего признать, что последствия Чернобыля устранить невозможно. Если бы случилось чудо и наши атомщики научились бы сокращать период распада, даже и тогда устранить последствия этой мировой трагедии было бы невозможно. Нас просто обманывают, когда толкуют об устранении последствий. Но еще более страшный обман звучит, вернее, не звучит, а молча, хитро таится в демагогических заверениях о пользе, о необходимости и безопасности атомной энергетики.

Мы так заворожены успехами технического прогресса, что даже боимся «пикнуть» против него. И впрямь, критиковать атомщиков не очень-то безопасно: тебя тут же обзовут отсталым мыслящим либо даже мракобесом. Хотя в действительности-то все ведь наоборот: мракобесы — те, кто создавал и взрывал четвертый реактор, в результате чего получилось девять десятков хиросим. Ведь создатели и «взрыватели» — это одни и те же люди. Это они сделали и себя, и всех нас заложниками, пленниками атомного монстра. Кто дал им такое право? И почему они всегда остаются безнаказанными?

Прежде чем принять этот закон, я бы, конечно, принял закон о постепенном демонтаже всех атомных реакторов, о немедленном прекращении строительства новых АЭС как экономически невыгодных и социально опас-

ных. Я бы мог доказать, если бы было время, что атомная энергетика невыгодна экономически.

Не верьте, уважаемые депутаты, любителям технического экспериментирования над миллионами людей и целыми странами! Наше государство может легко обойтись без черновобильских душегубок. Знаете ли вы, что атомная энергетика занимает в топливно-энергетическом балансе страны всего 2 процента, что АЭС вырабатывают всего 11 процентов электроэнергии? Если только научиться вовремя выключать фонари и телевизоры да усовершенствовать трансформаторы, то и тогда можно сэкономить больше 11 процентов.

Неужели эти 11 процентов важнее страданий целых народов, дороже потерь миллионов гектаров плодородных земель и многих страшных еще неведомых академику Марчуку последствий? Если уж так позарез необходимы нам эти 11 процентов, то их легко можно заменить другими, более безопасными электростанциями, другими энергоресурсами.

Мы представляем всего 3,5 процента от населения земного шара. И вот эти 3,5 процента населения от всего населения земного шара добывают 43 процента, то есть чуть ли не половину мировой добычи природного газа — 770 миллиардов кубометров газа в год. Это же грандиозная цифра! 90 миллиардов (считай, за бесценок) мы продаем за границу. Только в этих проданных 90 миллиардах содержится энергетический потенциал, равный 116 миллионам тонн условного топлива. Делайте выводы: половина продаваемого природного газа могла бы заменить всю нашу бездарную атомную энергетику. А ведь я еще ни слова не сказал о прочих видах энергоресурсов...

Атомная вакханалия в стране продолжается. На стражу нового атомного строительства привлекаются даже войска, как в Нагорном Карабахе. Срочно было создано общество атомщиков, на его учреждении присутствовал вроде бы и сам президент. А вот антиядерное общество наши юристы не хотят даже регистрировать. И хотя бы один волосок упал с головы академиков Александра и Велихова, Стыриковича, Шейндлина и Петросяна — главных создателей черновобильских трагических событий.

Творцы убудочной атомной технологии преспокойно отсидели в своих кабинетах во время смертоносной

«чернобыльской пурги», которая и сейчас, через пять лет, не стихла и неизвестно, когда стихнет. Истинные чернобыльские последствия как можно тщательнее скрываются такими людьми, как Израэль и Гуськова, Ильин и Книжников, которые запаслись даже международной поддержкой (МАГАТЭ позорно поддержало всех этих атомных деятелей).

При обсуждении законопроекта, отпечатанного на 24 страницах, не было сказано ни слова об этом, а по справедливости создателей грядущих чернобылей надо бы давно судить. Пусть они хоть немного бы заплатили людям, пострадавшим от этой мировой драмы. Если уж у нас нет законов, чтобы судить их, так пусть они хотя бы материально подсобили бы государству. Предлагаю внести в законопроект именно такой пункт. И еще предлагаю незамедлительно начать переселение людей, которое до сих пор всячески тормозится, хотя у нас на Севере пустуют десятки деревень. Я предлагал белорусам и украинцам — пожалуйста, приезжайте, но никто ни слова не сказал на эту тему.

Надо заселить наши разоренные села за счет народа, который живет на зараженных местностях, а все расходы должны взять на себя, конечно, атомщики. Я бы предложил взять средства за счет сокращения нового атомного строительства. Очень много бы денег высвободилось, поверьте».

* * *

Никто, конечно, не поверил... Это было уже в мае 1991, и мне вспомнилась тогда предыдущая осень, когда я в последний раз говорил о крестьянском бесправии. Поводом к выступлению послужило резкое выступление Бориса Олейника против статьи А. И. Солженицына:

«...Удивляюсь некоторым метаморфозам, которые с нами происходят. Например, вчера секретарь райкома или обкома КПСС был секретарем, а сегодня уже он соцдемократ. Борис Николаевич Ельцин выходит из КПСС и говорит: вот если бы Генеральным секретарем стал Александр Николаевич Яковлев, то он, Ельцин, из партии ни за что бы не вышел. Силаев на российской сессии хвалит Собчака и Попова и ставит министров, которые ему не нравятся. Гавриил Попов усиленно «свер-

гает» Рыжкова и небезуспешно грозит демонстрациями. «Литературная газета», возглавляемая депутатом Бурлацким, предлагает срочно заменить Рыжкова Шаталиным. Академик Аганбегян то и дело ссылается на академика Заславскую.

От академиков у меня уже рябит в глазах! Но у кого власть, я спрашиваю у вас? По Конституции она у Верховного Совета, то есть у вас. Чувствуете ли вы себя ее обладателями? Я, например, нет. Власть у средств массовой информации, а это нечто иррациональное, это стихия, подчиненная неизвестно чему. Прочитайте статью Шафаревича «Шестая монархия».

Меня несколько удивила вчерашняя активность, проявленная депутатами по отношению к статье писателя-изгнанника Солженицына. В чем дело? Депутаты весьма терпеливо сносят многие оскорбления в печати и на телевидении. (Не буду приводить примеров — одна газета «Коммерсант» чего стоит.) Призывы к разгону Верховного Совета вас мало трогают, оскорбления в адрес премьера, выбранного вами, вас тоже не волнуют. Но стоило Солженицыну поразмышлять о судьбах русского народа, стоило ему высказать некоторые мысли о будущем России, тотчас же послышались гневные возгласы.

Я прочитал статью и не обнаружил там того, о чем говорили депутаты из Казахстана и Украины. Наоборот, Солженицын вновь предостерегает русских от так называемого имперского мышления. Но какое это имперское мышление, если русский народ унижен и оскорблен (я не боюсь повторить эти слова — два года назад об этом говорил), и оскорблен он ничуть не меньше, чем украинцы и казахи? Какая тут империя?

Повторяю то, что говорил два года назад: Россию давно превратили в полуколонию, государство и сейчас выкачивает из нее последние сырьевые ресурсы, пользуется дешевой рабочей силой. А крестьянство — самую большую и самую терпеливую прослойку русского народа — мы продолжаем безжалостно грабить.

Я хотел вам показать деталь от агрегата Е-302. Пять дней назад механик в моем колхозе чуть не стукнул ею меня по голове. Эта железяка стоила в 1987 году всего 87 копеечек, в июле 1989-го она уже стоила 8 рублей с лишним, а нынче — 10 рублей 53 копейки. Я хотел передать ее на память министру финансов, но трактори-

сты сказали: покажи и привези обратно, потому что это дефицитная штука. Вот за этих крестьян уже решили, что делать с землей, решили, что делать с убыточными колхозами: они решили их продавать с молотка. В программе Шаталина об этом четко написано. Русское крестьянство очень терпеливое и молчаливое (не зря слово «крестьянин» происходит от слова «христианство»).

Мы слишком долго твердим о правовом государстве, слишком много принимаем законов. Я не против хороших законов, но мы должны знать, что любой самый хороший закон ничего не значит, если в каждом из нас не родился либо молчит, бездействует закон нравственный. А нравственный закон издавна связан в нашем народе с религиозным сознанием. Поэтому давайте не будем торопиться клеймить верующего писателя Александра Солженицына.

Предлагаю принять Закон¹, проголосовать за него вот с теми поправками, которые предлагает Его Святейшество патриарх Алексей Второй. Есть у меня еще одна просьба и к вам, и к Президенту, и к Президиуму Верховного Совета. Вся Киево-Печерская лавра, Успенский собор в Кремле, Софийский собор в Новгороде — эти главные святыни тысячелетней Родины — должны быть немедленно возвращены православной церкви. От этого выиграет не только правовое государство, но и вся наша затянувшаяся перестройка².

* * *

Сидение в так называемом парламенте — занятие не из легких. Завидовать нечему. Нормальному человеку скучно и тяжело, особенно при обсуждении поправок к законам. А тут еще эта труба, этот синеватый дьявольский глаз телекамеры. О Боже! Кто придумал эту технику?

Все депутаты, все министры вместе со своими премьерами стали заложниками этого электронно-оптического зарубежного монстра. Камера неустанно водит своим

---

¹ Обсуждался Закон о свободе совести и религиозных исповеданий.

² Термин постепенно принимал свое истинное, то есть отрицательное, значение.

рылом по рядам кремлевского амфитеатра, выскивая очередную сонную жертву. От оператора полностью зависит и положительная популярность того или иного политического актера... Но и в этом случае дело это весьма рискованное. Не мешало бы знать об этом постоянным любителям микрофонов. Представим себе, что вы целый месяц питаетесь одной картошкой или одним урюком (после службы в армии я лет двадцать не мог есть перловую или пшеничную кашу). Увы, депутаты не замечают опасности! Не боятся того, что надоели зрителям, как горькая редька. Бегут к микрофону тотчас, если он свободен, а если занят — выстраиваются в очередь. Я вовсе не утверждаю, что бесполезно всякое выступление. Но его величество зритель, точнее — избиратель, сам видит, что половину речей и реплик депутаты вполне могли бы оставить в своем личном пользовании.

Что за странная тяга постоянно быть на виду? Уже есть парламентарии (правда, их единицы), которые, как наркоманы, если не выступают, то к вечеру плохо себя чувствуют. Я не шучу, потому что знаю одного бывшего начальника, всерьез заболевшего «недержанием речи». Ему, как пьянице алкоголь или курильщику табак, все время нужны слушатели. На любом собрании, в любом месте, где скопилось больше трех человек, ему дозарез хочется выступать. Сидение в президиуме тоже для него физическая необходимость. Почему? Да потому что привык. Во время так называемого застоя говорили намного меньше. Съездов, симпозиумов, слётов, собраний, семинаров и прочих сборищ тоже было меньше. Теперь ежедневно тысячи людей заседают. Нигде, ни в одной стране столько не заседают! Те, кому надоедает сидеть в помещениях, выходят на свежий воздух и орут с помостов, собирая вокруг себя толпу. Опять же с помощью микрофонов и усилителей...

Телевизор, микрофон, репродуктор — вот кто правит нынешним обществом, вот всемогущие руководящие органы. Ни одно из этих устройств не поможет ни косить, ни доить, не приспособлено и к разгрузке вагонов, до отказа набитых овощами, мукой, мясом. Неделями стоящие на товарных станциях, вагоны эти начинают потихоньку распространять всевозможное амбре, говоря по-русски — вонь. Но ни парламенты, ни многотысячные толпы, оглохшие от призывов, требующие свободы и пищи, не воспринимают запахов...

* * *

На этом бездарно и безрезультатно оборвалась моя депутатская деятельность в защиту русского крестьянина. Цены на все «железяки» росли и продолжают расти без ведома депутатов: стремительно и неуклонно. Жив же сейчас Гаврилов — герой моего очерка более чем десятилетней давности? Рискну снова предложить читателю этот очерк. Не забыть бы совсем, на ком мир-то держится.

* * *

«Эх, была бы у меня «Дружба», — вскидывается Гаврилов. — Я бы и в ус не дул. Ты достань мне «Дружбу», а?» — «Нет, не достану. У меня такого блату нигде нет, — говорю я. — А чего она тебе? Прямо приспичило». — «Дружба» — это все...» — говорит он и задумчиво смотрит в сторону. Я вижу, что его интерес ко мне стремительно тает. Как дым. Хоть и любит меня Гаврилов, но не в такой степени, в какой бы хотелось мне. Его любопытство ко всяким техническим новшествам иной раз намного выше интереса ко мне. Я ревную: «Гаврилов, ты мне друг или нет?» — «Друг». — «А чего ж ты клюквы мне опять не собрал?»

И все снова упирается в «Дружбу».

Помнится, в 1955 году я работал в Перми, на заводе имени Дзержинского, столяром-ремонтником. Чинил окна и двери во всех цехах, а цехов было десятка два, не меньше. В одном из них собирали «Дружбу». Двадцать или тридцать штук за смену — не более. Название получила эта машина в честь нашей дружбы с Вьетнамом. Мне тогда и в голову не могло прийти, что моя дружба с Гавриловым упрется в нее же. Нынче Гаврилов опять сдал полтора десятка овец, денег у него много. За каждую овцу, если шерсть у нее достаточно длинна, но не переросла норму, государство платит около ста рублей. Мы долго судим с Гавриловым, куда идет мясо от сданных овец. Ну, полушубки, дубленки — дело ясное. Отправляют на БАМ. А кто, интересно, ест шашлыки из гавриловских чичек? (Так называют в наших местах баранов).

Наконец, в один из приездов терпение мое иссякает, и за самоваром, в том особом состоянии, когда все кажется просто и доступно, я даю Гаврилову один секрет-

ный адрес и телефон. Как ни странно, телефон этот срабатывает. Гаврилов в восторге:

— Еду на участок! Завтра же еду!

За сколько и при каких обстоятельствах приобретается на участке «Дружба», мне неизвестно. Я знаю только о том, что там корпуса списанных пил бьют молотками, чтобы механики не тратили время на коммерцию. Гаврилов привез «Дружбу» в саях, словно жену, бережно укрывая ее тулупом и придерживая на крутых спусках колхозную лошадь. (По правде сказать, беречь-то надо было не пилу, а эту единственную в деревне лошадь). В деревне он, еще не распрягнув лошадь, решил опробовать попку. Чихнув раза два, «Дружба» натужно взвыла, напустила синей вонючей гари и заглохла. Как ни старался Гаврилов — уж он и карбюратор отвинчивал, и масла в бензин добавил, и контакты зачистил, — пила безмолвствовала. На той же лошади, в ночь, он ринулся обратно на лесоучасток. Там он выпил с механиком две бутылки водки, пила опять завелась. Дома, однако ж, она снова забастовала...

Гаврилов наведывался на участок четырежды. Ну, а сколько выпил водки, он даже не считал. Злополучная «Дружба» сожрала две, а может, и три романовских овцы — не надо никакого и волка. У Гаврилова даже открылась язва желудка из-за этих визитов к механикам.

Наконец новые бензопилы привезены были в сельпо, где Гаврилов давно стоял на очереди. Это были более мощные и более тяжелые «Уралы» в комплекте с насосами.

Гаврилов торжествовал. Начал с того, что дом соседки Евгении за полчаса распилил пополам. Осенью он едва ли не бесплатно испилил дрова у всех одиноких старух и пенсионеров. Он ходил по деревне гордо и независимо. Действительно, пила преобразила даже деревенский пейзаж: повсюду на белом снегу желтели березовые и осиновые опилки, пирамиды расколотых дров радовали глаза, быстро превращаясь в изящные ровные и высокие поленницы.

Пила сделала Гаврилова персоной № 1.

* * *

Евгении был ни к чему такой «вавилон», как она говорила. Жила одна, а домину имела на десятерых. Гав-

рилов за полчаса отпазгал своим «Уралом» всю заднюю часть этого «рейхстага», как он выразился. Потом разломал и за три дня пристроил небольшой коридорчик с маленьким закутком для поросенка. Евгения достала этого поросенка еще бело-розовым крохотным существом взамен овцам и корове, которых уже не могла содержать. Все три ее дочки жили вдали, только сын не так далеко, в своем же остался колхозе, но на главной усадьбе. Евгения то и дело приходила звонить ему от Гаврилова. «Олё! Это кто? — кричала она в трубку, придерживая сивые волосы. — Олё...» Дозвонившись, она на весь вечер устраивалась глядеть телевизор. Особенно завлекали ее многосерийные детективные передачи, которые выводили из себя Гаврилова:

— Все наврано!

Было ясно, что Гаврилов злился не столько на то, что «все наврано», а на то, что эта техника была ему не по зубам. Он не осмеливался ее осваивать, на починку возил в райцентр. Иное дело «Урал» или мотоцикл! Этих двух он мог с завязанными глазами разобрать на мелкие косточки и тут же собрать. Не осталось бы ни одного винтика. Теперь мечтою Гаврилова был «Буран», который уже имелся у одного гавриловского знакомого: тот возил на «Буране» не только врачиху, чтобы сделать уколы своей жене, но и дрова из леса, и сено из поля. Гаврилов сначала ходил смотреть на это чудо прогресса. Но где вот его купишь? Знакомый покупал «Буран» тоже не сам, а его сын, работавший в Заполярье. Владелец «Бурана» жил на центральной усадьбе в типовом двухквартирном домишке из бруса. Соседями были как раз сын Евгении с женой и детьми. Когда невестка болела или уезжала, Евгения была вынуждена ехать на центральную сидеть с внуками. Пока не было поросенка, это не вызывало у нее особенных нареканий. Но когда завелась животиная, сразу же начались конфликты. Гаврилову перестало нравиться все это. Евгения не только часами торчала у телевизора, звонила родне через день, а в промежутках родня звонила Евгении, но и частенько уезжала, а тогда гавриловская жена была вынуждена брать у нее ключи от дома и кормить этого пресловутого поросенка. Опять же обида копилась, может, не столько из-за поросенка, сколько из-за «Бурана». Сосед евгениевской родни увозил старуху с таким дымом и треском, так демонстративно не замечал ни реки, ни дороги, что гаври-

ловская душа щемила от зависти. По всем этим причинам Гаврилов совершенно безжалостно резал поросенка Евгении, она же тотчас покупала другого.

Гаврилов вычитал в каком-то календаре рецепт, как делать окорок. Никто раньше не делал в здешних местах окороков. Но Гаврилов сумел убедить Евгению в выгоде и удобстве этого дела. Зарезав в закутке поросенка, он на миг задумался. Что же дальше? Он связал поросенка ноги, подвесил тушу на жердь и хотел уж было разводить под нею огонь. Но один — тоже знакомый — шофер, подвернувшийся на тот случай, неожиданно подал совет: «А паяльная-то для чего?»

Паяльную лампу заправили бензином, накачали давления, и синее пламя зашумело на всю деревню. Правда, шоферская мысль выиграла было еще дальше: зачем, мол, паяльная лампа? Взять прямиком облить тушу бензином да и подпалить. Но это была, конечно, шутка, Евгения зря испугалась. Свиныю опалили, окорока разделили, хотя с непривычки никто этого сала не ел, даже колхозные шефы...

Не успел Гаврилов разделаться с этим поросенком, как в закутке у Евгении уже похрюкивал новый, и рос он, как говорится, не по дням, а по часам. Евгения скармливала ему не только десятки буханок сельповского хлеба, но и черствые баранки, предварительно их размочив.

— Готова в него с обоих концов пихать! — ругался Гаврилов. — Куда это только государство смотрит?

Сам же, однако, тоже грешил буханочками, хотя и не с поросенком — «этих рыл не люблю», а с овцами. Но собственные грехи как-то меньше заметны.

Однажды Евгению потребовали на свадьбу. Где-то за Мурманском женился один из братьев невестки, но свадьбу почему-то делали у отца в колхозе. Наехало гостей. Расколотили пустующий дом, поскольку отец обитал в двух. («Одного виногрету, — как рассказывала позднее Евгения, — четыре бадьи наделали. А сколько бутылок было, дак и не сосчитать».)

Итак, Евгению вытребовали на свадьбу. Поросенка же кормить было некому, жена Гаврилова как раз тоже уехала в гости. Самого его и просить было нечего. Евгения заявила по телефону, что поросенка не с кем оставить, что она на свадьбу не поедет. Ей, кстати, не очень-то и хотелось на эту свадьбу: «Напьются до вострия да и ляззают, и ляззают, ни писен не спать, ни разговору».

— Нет, матушка, не бывать, — кричала Евгения в трубку. — Мне дом-то не на кого оставить. Кто будет кормить поросенка-то...

— Мама, а ты и с поросенком едь! — слышался в трубке невесткин голос. — Машину пошлем, либо «уазик», либо на микроавтобусе. Нам без тебя никак...

Вначале мысль ехать на свадьбу с поросенком показалась неприемлемой как Евгении, так и Гаврилову. Но чем ближе становился свадебный день, тем больше такая мысль приобретала жизненную реальность. Евгению увезли вместе с поросенком на центральную, а через три дня оба благополучно вернулись домой.

* * *

Надо не забыть сказать, что Гаврилов был еще и гармонист, причем неплохой. Но с годами этот вид его деятельности все более отходил на задний план. Молодежь давно заменила гармонию всякими гитарами и магнитофонами, а пожилые собирались теперь очень редко. Разве только на Восьмое марта да на День колхозника. Зато летом, когда деревня забита отпускниками, когда старухи набивают сеном либо соломой все допотопные матрасы и когда народ спит не только на чердаках, а даже в тех же поросячьих застенках, когда с каждым новым автобусом, по словам Евгении, «один одного башше», появляются новые лица, — в такую пору Гаврилову нет отбоя от приглашений зайти, заглянуть, но только чтобы обязательно с хромкой.

Когда Гаврилов был помоложе, он ходил с удовольствием, играл часами, играл до мозолей. Теперь же начал стареть. Да и время этих сабантуев обычно падает на сенокос, когда надо косить, а не плясать и не орать на весь белый свет какие-то дурацкие, совершенно бессмысленные слова.

Чего только нынче не поют, какой белиберды не наслушаешься из этих, по выражению Евгении, магнитофончиков! (Она говорила: «магнитофончики», «сосудики», «клубики» и т. д. «Сосудики-то у меня стали худые, узенькие, только уколами и спасаюсь».) Так вот, эти самые магнитофончики появлялись в деревне, как комары в разгар сенокоса. Волосатые отроки ходят с ними везде, вплоть до морошкового болота, а их родители, все еще не забывшие прежней жизни и прежней пляски, то

и дело по очереди устраивают «вечера», то есть пьянки.

Гаврилову надоело играть этим приезжим бабенкам пенсионного возраста, которые даже частушки начисто пере забыли и обычно пели каждая свою, но весь вечер одну и ту же. Хорошо еще, что местные, родственницы, пели частушки все разные, и отпускницы на ходу вспоминали тексты и пристраивались. Впрочем, большинство из приезжих Гаврилов знал еще с отрочества и юности. Не с одной и у горюнов сживал, если не сказать больше.

И все-таки ходить чуть ли не через день на вечера, пить и играть часами под пляску — дело не из очень приятных. Тем более в сенокос. Как-то Гаврилов познакомился поближе с одним магнитофонщиком — отроком, сыном одной из своих запредельных сударушек. Тот случайно записал гавриловскую игру и материнскую — вкупе с другими — пляску с частушками. Гавриловская мысль работала четко и просто: он тут же прикрыл гармонь и сел за стол, говоря:

— Бабы, ну-ко попляшите под магнитофончик! Я хоть стопку допью да покурю.

Отрок включил магнитофончик, молодящиеся пенсионерки пошли плясать..

Механизация была полная, можно даже не петь, поскольку те же самые, то есть свои же, голоса вылетали из магнитофончика. Громкие и облагороженные современной транзисторной техникой, они вначале поражали своей слепящей зеркальностью. Топот пляски тоже был слышен, новый топот иногда просто сливался со старым, и тогда многим пришла простая мысль: петь те же частушки, то есть помогать самим же себе, только записанным. Успех этой затеи был так неожидан, так хорошо все это получилось, что Гаврилов уже к осени имел собственный магнитофончик. Правда, к осени «вечера» пошли на убыль. Все равно, если компания не нравилась, Гаврилов даже не трогал из шкапа гармонь. Он вставлял в магнитофончик получасовую кассету и мог спокойно если не уйти домой, то не спеша беседовать о политике или о чем другом. Были случаи, когда бабенки пляшут, пленка кончится. Они перемотают (научит нужда калачи есть!) и по новой в пляс. Гаврилов за банями тем временем стог сметал. Но никогда он не пользовался магнитофончиком у своей родни или в той компании, которая была ему дорога! В таких случаях неизменно шла в

ход сама гармонь. Гаврилов знал разницу между суррогатом и натуральным продуктом...

— Ну, хорошо, — говорю я. — Вот ты косишь сено... Но косишь-то вручную? Сколько разов надо косою махнуть, чтобы насохло на такой стог? Наверно, тысячи.

Он соглашается со мной не сразу. Он всегда оставляет себе место для маневра, чтобы было куда отступить и не спеша оглядеться, чтобы не дать себя обдурить или оболванить. Но я и не собирался его оболванивать. Человек, приспособивший пылесос для растопки сырых дров и очистки от сажи печных поворотов, вызывал во мне чувство радости. За одну только мысль — приспособить стиральную машину для сбивания коровьего масла — я бы выдал Гаврилову любую медаль, не то что грамоту. Любую, какую бы он ни пожелал... Но медали его не интересовали, да и мои полномочия к выдаче их были совсем мизерными. Мои наезды в гавриловскую деревню были редкими.

Зимой Гаврилова поставили сторожем на ферму. В его обязанности входило отгребать в свою смену «жидкую фракцию», как выражаются ученые люди. (Умолчим, как эту «жидкую фракцию» обзывает Евгения.) После отгребания включается транспортерная цепь, другой транспортер, уже наклонный, только выплескивает жидкую фракцию за пределы коровника. В обязанности сторожа входит также накачивание воды в чердачный бак, топка парового котла и слежение за стельными коровами. В случае отела сторож обязан помочь корове родить.

Легко сказать, помогать родить! А если ты не хочешь даже смотреть такую картину? Это Максим Горький помогал однажды родиться — и не теленку, а человеку, — но то Горький. На то он и пролетарский писатель. Так или иначе, автор этих строк при одном виде окровавленного последа убежал недавно домой с поля, где только что без всякой помощи отелилась корова. Такие случаи (без помощи) стали редкими, последние годы коровы почему-то не могут телиться без посторонней помощи. (Специалисты говорят, что виноваты корма: силос и концентраты, корове не хватает каких-то микроэлементов. Отсюда и яловость, и выкидыши, и невозможность родить без помощи человека.)

Глухой зимней ночью Гаврилова и настиг именно этот случай, когда корова, неспособная разродиться, измученная и готовая к смерти, жалобно стонала, помыркивала и уже закатывала большие плачущие глаза. Теленок шел правильно, то есть вперед головой и передними копытцами, но был такой здоровяк, такой лобастый, что застрял основательно и, как чувствовалось, безнадежно. Гаврилов долго изо всех сил тащил его то за уши, то за копытца, вытащил на одну четверть, но к этому времени силы кончились и у коровы, и у него, то есть у Гаврилова. Корова издыхала. И тут Гаврилов, не мудрствуя лукаво, сбегал за веревкой, одним концом он охватил ноги и телячью голову, а другим привязал к навозному транспортеру. И... включил рубильник. Уже через пять минут обреченная была корова облегченно вздохнула, а теленок то и дело вставал на задние ноги. Передние пока не держали его.

Увы, никто не дал Гаврилову ни медали, ни авторского свидетельства. Об этом даже не написали в районной газете.

— Это вы верно, — говорит Гаврилов, — насчет косьбы-то. Ведь вон для охотников и рыболовов чего только не придумала промышленность! Моторы всякие, палатки, примусы. Все для туриста. А косилку по сию пору не могут придумать...

— А ты сам. Возьми вон мотор от мотоцикла, передачи там, сцепление.

— Да я видел по телевизору. Не одни мы, другие и прочие тоже думают. А ты видел чехословацкую-то? Эх, была бы у меня такая косилка. Да я бы один накосил чуть не на все колхозное стадо! Я бы и в ус не дул! Нет, а ты помоги мне достать эту косилку, а?

— Нет, не помогу! — говорю я. — У меня такого бла-та нигде нет...

— Косилка — это все... — задумчиво говорит Гаврилов.

* * *

Где достать косилку Гаврилову, если даже обычный доильный аппарат я не мог достать ни в Москве, ни поза Москве? С министрами дело имел, с самым высоким начальством. Никто не знал, где купить, куда звонить, к кому обращаться. Выяснил только, что делают доиль-

ные аппараты где-то в Омске. Не мог я ехать для этого в Омск, времени не было. Даже Стародубцев ничем не смог подсобить с этим самым аппаратом для дойки. (Это в стране, где то и дело запускают в небо всевозможные «Бураны», «Антей» и прочие чудеса.) Зато Василий Александрович неожиданно для меня предложил ручную чехословацкую косилку... Но пока я собирался съездить за нею, Стародубцева посадили в тюрьму. За что? Никто не знает. Но может, еще и узнаем¹... Незадолго до комедии с так называемым путчем я прошел ротацию и уехал из Москвы домой в деревню.

• • •

О, Боже мой! В тиши лесов,
В безлюдье дедовских угодий
Убереги от праздных слов
И от назойливых мелодий,
От суеты и злобы дня
Спаси и впредь, спаси меня.

Покуда в душах ералаш
И демократы жаром пышут,
Я обновлю колодец наш
И почию родную крышу.
Не дай устать моим рукам,
Еще — прости моим врагам.

От всяких премий и наград
Убереги в лесу угрюмом,
Но вечевой Кремля набат
Не заслони еловым шумом,
Не попусти сгореть дотла,
Пока молчат колокола.

• • •

В начале было Слово, и Слово
Было у Бога, и Слово было Бог.

Евангелие от Иоанна

«Дивились, сколько знаю, многие из тех, которые вне слова истины высоко думают о мирской мудрости, — говорит средневековый философ, — и они отважились вмешивать слова сии в собственные свои сочинения, по-

---

¹ В 1992 году В. Стародубцев освобожден из-под стражи. (Прим. ред.).

тому что диавол — тать, и наши учения разглашает своим провещателям».

...Даже мудрый христианский святитель не осмеливается до конца постигнуть сказанное евангелистом. Пристало ли мне, которому до сих пор даже не довелось прочесть ни Златоуста, ни Григория Богослова, судить об этом? Того, кто ставит мирскую мудрость вровень с духовной, Василий Великий называет провещателем дьявола. Но главная его мысль в том, что дьявол — это прежде всего вор (тать по-древнерусски). У дьявола нет ничего своего духовного, он ворует мысли у Бога и борется с Ним Его же оружием. Боюсь, что и Василия Великого толковать не имею права. Нельзя садиться не в свои сани (то-то обрадуются критики из «Огонька» такому признанию).

Хрестоматия Галахова, по которой училось несколько поколений русских подростков, издавалась не менее тридцати девяти раз. Последний раз — в 1917 году. Один ее экземпляр, растрепанный и засаленный, каким-то странным образом, непонятно откуда докочевал-таки до моего письменного стола. Остальные, наверное, сожжены, раскиданы, уничтожены¹. Я знаю живых свидетелей сожжения книг. Что ж удивляться тому, что я все еще не читал ни Филарета, ни Дмитрия Ростовского, чьи произведения читали до революции все гимназистки и все учащиеся кадеты?

Посему, говоря о Слове, размышляя о языке русском, спущусь-ка я на самый низший, не мирской даже, а на бытовой уровень...

Многоглаголанье. Многословие. Болтовня. Трёп. Словоблудие. Говорильня.

Сколько же их в русском языке, разновидностей слова, поясняющего один из самых незаметных, но достаточно зловредных человеческих недостатков? Особенно точны и каждому понятны два слова: «говорильня» «трёп». Хитрость человеческая изобрела способ прятать истинное, всем понятное значение какого-либо дурного явления переменою термина. В статье о языке, написанной много лет назад, я уже приводил примеры. Но это делать? Приходится повторяться. Нынче уже по иному поводу. Я имею в виду наш Верховный Совет, то бишь парламент. Обычная говорильня называется нынче дебатами, всем

---

¹ Прошел слух, что нынче ее переиздают.

понятные слова «болтовня» или «трёп» уступили непонятному, зато по-иному звучащему: «прения». (Я говорю об этом безо всякого сатирического ехидства, уважаемые «огоньковские» критики! Вы, конечно, не поверите, но это так.)

Дебаты! Казалось бы, как набатно звучит и как благородно. Но... увы, увы мне, бедному депутату. Ежели есть дебаты (во множественном числе), то, по свойствам нашего языка, должно быть и единственное число, и тут уже действительно я приближаюсь к сатирическому ехидству.

Один депутат за три минуты своего выступления слово «проблема» ухитрился произнести более тридцати раз. Десять раз в минуту! Другое излюбленное депутатское и министерское выражение — это «вопрос». «Вопросы». Интересно, что было бы, если бы принять такое, к примеру, постановление: «...Слова «вопрос» и «проблема» разрешается использовать не больше одного раза в каждом выступлении»? Думаю, что желающих делать доклады сразу бы поубавилось.

Наивным и глупым политикам не терпится, им срочно хочется западного изобилия. Поэтому, не умея говорить по-русски, они лихорадочно заимствуют не только деньги, но и понятия и слова иностранные тоже заимствуют. Словом, заражены чужебесием. И хоть бы один «дебат», например, по поводу «пиццы», коя не только не лезет в горло, но и звучит по-русски как-то не очень прилично. Хотя бы одно «прение» насчет всех этих нонсенсов, имиджей, спонсоров, рейтингов. Кажется, что один только Сухов и говорил в Верховном Совете по-русски.

Итак, чтобы обмануть людей, чтобы надуть обывателя, чтобы оболванить его или запутать, замени термин, придумай свой новый либо позаимствуй. Например, у поляков возьми «приватную» собственность вместо частной, у англичан хапни «рейтинг», «имидж» прибери к рукам. И т. д.

Не зря народы назывались языками. И совсем не случайно Чингиз Айтматов, будучи председателем комиссии по культуре, возглавил борьбу за новый закон о языке. И хотя национальные языки, в том числе и русский, живут и развиваются отнюдь не по юридическим законам, шуму было достаточно. Русский язык попытались и тут расщепить, обзывая его то общегосударственным, то общелитературным. После принятия закона

дело свелось к призывам изгнать его, негодника (то есть русский язык), из национальных республик. Но виноват ли русский народ в том, что барыга с Кавказа, торгующий мимозами в Вильнюсе, разговаривает и матерится по-русски? Виноват ли я, русский, что и литовец, приезжая на Черное море загорать и купаться, толкует с грузинами тоже по-русски? Что делать, ежели у меня нет способностей изучать другие языки? (Да и возможностей, кстати, нет, особенно во времена перестроек.) Партократия, а также космополитическая интеллигенция покрывали на Украине и в Белоруссии чуть ли не все национальные школы, а виноватыми оказались Россия и русский народ. А посему гони его в шею не только из Тувы, но и из Киева. Из Таллинна — тоже долой... Нет, что ни говори, христиане не случайно называют народы языками. Очень туго приходится русскому языку...

Обман, оболванивание массового сознания всегда происходит с помощью языкового термина-оборотня: говорится одно, а подразумевается говорящим совсем иное. Простодушные люди много лет верили, например, такому термину: «диктатура пролетариата». Диктатура-то она действительно, это самое... диктатура. Но при чем тут пролетариат? Да и что это за пролетариат с перстнями на пальцах? (Читайте Солженицына «Ленин в Цюрихе».) Термин «диктатура пролетариата» был с самого начала совершенно лживым. Но многим людям нравится быть обманутыми. Спокойнее жить, не надо ни бороться, ни думать... Другие, зачарованные лживым словом, то есть искренние в своих заблуждениях, не жалели ни сил, ни собственной крови на службе лжецам. Сия свистопляска продолжается и в наше время. Обманут — а мы верим. Некоторые почуют неладное, начинают вникать и наконец прозреют. Обнаруживают чистый обман. Но — потеряно время! Обманщики успевают наделать всяких выгодных им «делов». И наплевать им на то, что оказались разоблачены: дело-то сделано. Опора обманщиков — это пресса, иногда и литература. Мировое кино, телевидение, радио, видео, эстрада, всевозможные клубы, партии, общества — во всех этих местах прижились обманщики. Они присасываются к средствам массовой информации, как безжалостные клещи. Они пускают в мир штампованные неживые слова, используя понятия-оборотни. Разве не лживо такое, к примеру, понятие: «конец холодной войны»? Кто только не плюется в сторо-

ну нашего государства, кто только не издевается и не клеветает на нас! Мощные радиопередатчики день и ночь изрыгают ложь и хулу, премьеры и лидеры демократической Европы то и дело вмешиваются в наши государственные дела, газеты тиражируют всевозможные домыслы, занимаются подстрекательством. Агенты ЦРУ и других спецслужб провоцируют кровавые стычки. Где же он, конец этой самой холодной войны?

Может быть, мы-то и прекратили ее, эту войну. Но та сторона не только не прекратила, но даже усилила. Холодная война продолжается. Больше того, превратилась уже и в горячую, то есть в войну настоящую.

Или взять такой термин, как «права человека». Опасно говорить о его лживости, потому что сразу такой вой поднимется, что не слышно будет твоего голоса и сразу угодишь ты в мизантропы и человеконенавистники.

Теперь вот оказался в ходу еще один словесный штамп, востребованный из небытия политическими борцами. Я говорю об отрицательном значении слова «центр». По логике демократов, центр — это нечто ужасное, нечто злобное, с чем необходимо немедленно расправиться. Но ведь команда Б. Н. Ельцина по отношению, скажем, к Башкирии и Коми — тоже центр! Как демократы будут относиться к тому, что Уфа или Сыктывкар объявят войну этому центру? А на бескрайних просторах Коми Республики живет, например, добродушный и вымирающий народ — ненцы. Они-то имеют ли право объявлять войну Сыктывкарю, то есть центру Коми?

Ненцы, ручаюсь, никогда и никому не объявят войну. А вот у многих южных моих друзей с логикой не все в порядке: если сами воюют за автономию — это справедливо, если другие — это несправедливо.

Термин «перестройка», если приглядеться и разобраться, родился из ничего. Был пустым звуком, стал могущественным и всеохватным определением мало кому понятных явлений.

* * *

Москвичи потеряли настоящий русский язык...¹. Давайте же его восстанавливать! Кстати, в деревне тоже

---

¹ Из телевизионного выступления 1988 г.

исчезает настоящий язык. Язык зависит не только от того, где живешь, в городе или в деревне. Он зависит еще от социальных условий. Если раньше крестьянин сам строил дом, сам выращивал хлеб и животных, то у него имелись для этого тысячи слов. Теперь же, где нужны были тысячи, хватает сотни слов. Дом его кто-то другой строит, ездит он не на лошади, а на тракторе и т. д. Язык зависит от многих материальных вещей, которые сейчас исчезли. Боюсь, что навсегда. Происходит унификация социальной жизни. Сейчас все начинают жить одинаково: эстонцы, армяне, татары, русские, евреи. В одинаковых домах, носят одинаковую одежду. Я не считаю, что это прогресс... Приехав в Эстонию, я хочу слушать именно эстонские песни. Я, допустим, не знаю эстонского языка, но было бы очень обидно, если бы он исчез. Человечество потеряло бы какую-то часть своего богатства. Угроза исчезновения языков существует. И обвиняют в этом русских. Но при чем же здесь русские? Мы не виноваты, что наш язык оказался государственным. Он пострадал от этой государственности не меньше, чем другой какой-нибудь, белорусский, украинский или грузинский. Нельзя терпеть унификацию языка. Мы дожили до того, что в газетах используется всего лишь от двух до пяти тысяч слов...

* * *

Джордж Буш усиленно хвалил Михаила Сергеевича за гласность. Но американский лидер либо хитрил, либо был неверно информирован: гласности у нас пока нет. Как говорят, кот наплакал (а по-моему, не только у нас, но и у американцев).

Приведу несколько примеров. Редакция журнала «Журналист» обратилась ко мне с просьбой ответить всего на один вопрос. Я отказался отвечать из-за занятости. Но редакция «Журналиста» была настойчива, начались телефонные звонки. Они длились много месяцев. Я, наконец, согласился и послал в редакцию полторы странички.

Но эти полторы странички, хотя были уже набраны, в печати не появились. Сотрудник даже не объяснил причину. Я, конечно, признаю право редакции отказывать тому или иному автору в публикациях. Но ведь здесь-то... Сами же просили, при этом очень активно.

Вот тебе и весь плюрализм. Вновь вспомнилась история с одним моим выступлением в Верховном Совете. Тогдашний редактор «Известий» И. Д. Лаптев отказался публиковать текст выступления и сказал: «Я Верховному Совету не подчиняюсь!» Вспомнились и десятки других случаев, которые произошли, когда я еще не был ни депутатом, ни лауреатом, ни делегатом...

Но ведь времена изменились, подумалось, у нас же гласность теперь! И рассказал о случае с «Журналистом» в «открытом письме» редактору «Комсомольской правды». И стал ждать публикации (уж эта-то газета, думаю, обязательно напечатает). Время идет, из «Комсомолки» никаких вестей. Звоню в редакцию. Редактор — в отпуске. Женский голос с некоторой поспешностью сообщает: «Такого писателя не знаю, письмо от Белова В. И. не поступало».

Что ж, может быть, и впрямь почта в Вологде работает хуже, чем в Красноярске? ¹. Но ведь письмо-то было заказное, вон и квитанция есть. Куда же оно могло деться? Нет, не могу я свалить вину на почту, хотя там тоже полно «плюралистов». Просто «Комсомолка» публикует материалы выборочно, не брезгуя и вторичной, уже отработанной информацией.

Мне могут возразить: печатайся в других местах. Так в общем-то и приходится делать... Но что значит какой-нибудь «Голос Тушина» по сравнению с «Комсомольской правдой», у которой 15 (или 16?) миллионов тираж? Это как бы комариный писк в реве встречного поезда.

«Как и от кого надо защищать свободу слова?» — спрашивала редакция «Журналиста». Дословно мой ответ был такой:

«Вопрос придуман как бы нарочно. Налицо типичный, не очень порядочный журналистский прием: спрашивать о том, что и само по себе еще стоит под вопросом. Поэтому приходится говорить сначала вообще о слове. Существует ли эта самая «свобода слова»? На мой взгляд, нет. Даже сочетание двух этих слов нелогично (как нелогично, например, выражение «демократический централизм»). Слово в своем высшем значении всегда свободно, вернее, понятие «свободы» или «несвободы» для него не существует.

---

¹ Газета как раз только что опубликовала интервью с В. П. Астафьевым.

Конструктор и составитель вопроса, вероятно, имел в виду так называемую «свободу печати», и тут понятие «свобода» или «несвобода» вполне приемлемо. Другое дело, что в жизни, на практике, свободной печати никогда не было, нет и, наверное, долго не будет и впредь. Везде и всюду печать (а нынче к ней прибавились и другие виды идеологического оболванивания) была зависимой либо от денежного мешка, либо от партийно-групповых интересов, то есть несвободной. Одновременно средства массовой информации изначально заражены вирусом несвободы, поскольку их суть всегда в монологе, то есть в навязывании частного мнения. Диалогичность тут мнимая, равноправия между газетой и читателем нет и быть не может. Так же, как нет и быть не может равноправия между зрителем и телевизионной редакцией, между слушателем радио и самим радио со всеми его глобальными техническими и идеологическими средствами.

Скажут, что все зависит от того, в чьих руках находятся эти средства. То-то и оно. Одни руки лучше, другие хуже, но «свобода печати» — пустой звук в любом случае. Выходит, что и «защита свободы печати» по достаточном размышлении вызывает всего лишь улыбку».

Такой ответ «Журналисту» оказался явно не по натуре. Редакция предпочла его не публиковать, чем и подтвердила правильность такого ответа. «Комсомольская правда» подтвердила то же...

Нет, господин Буш, ваши слова о гласности, сказанные в Кремле, для наших условий (да и для ваших) не годятся.

Клевету, распространяемую у нас и у вас миллионными тиражами газет и с помощью радиостанций, опровергнуть очень трудно, почти невозможно. Это я испытал на себе. Думаю, что то же, только еще в большей степени, испытали такие люди, как Валентин Григорьевич Распутин и Игорь Ростиславович Шафаревич. Рассчитывать на совесть журналистов и радиокомментаторов радиостанции «Свобода», к примеру, увы, не приходится. Тиражи и мощности передатчиков зависят всего лишь от толщины кошелька.

Хотелось бы только знать, долго ли американский налогоплательщик будет кормить не очень добросовестных комментаторов упомянутой радиостанции? Но я не очень рассчитываю на ответ, поскольку знаю, как тщательно

оберегаются от подобных вопросов все президенты без исключения.

* * *

Помню, во время брежневского и андроповского владычества перед каждой моей поездкой в капстрану обязательно приезжал какой-нибудь столичный корреспондент брать интервью насчет моих «творческих планов». Я старательно отвечал на вопросы этих корреспондентов, наивно предполагая, что им и впрямь интересны мои литературные планы. Жена угощала гостя вологодской тогда еще обильной снедью. Звенели иногда и рюмки, а громоздкий отечественный магнитофон «корреспондента» знай накручивал свою ленту. Позже, когда никакого интервью в печати не появлялось, я начинал смутно догадываться, что это за корреспонденты...

Теперь все изменилось. Ездить по заграницам туристом стало не по карману, а мест в «демократических» делегациях не хватает и самим демократам. Мои поездки за рубеж благополучно прекратились. Но почему количество желающих узнать о «творческих планах» ничуть не уменьшилось? Только нынче вместо рыжих ребят с громоздкими магнитофонами звонят очаровательные дамочки вроде Натальи Белоцерковской — корреспондентки журнала «Посев». Никуда не денешься, надо хотя бы стараться быть джентльменом. Я согласился встретиться с ней.

...Она отхлебнула «ароматного» чаю и незаметно извлекла из сумочки миниатюрную коробочку. «Закурить хочет», — подумалось. Но я ошибся... Наталья Николаевна не курила, она предпочитала «пайковые» (как она потом выразилась) конфеты. Зажигалка оказалась магнитофончиком, с помощью коего и конфеты моей жены оказались нового сорта — «пайковые», и квартира «с обширными, гулкими комнатами» из «ресурсов партии».

Что за чушь! При чем здесь ЦК, если его, во-первых, давно разогнали, во-вторых, в доме временное общежитие для временных же депутатов, в-третьих, я и без мини-доносов не собираюсь стать москвичом. Читаю «Посев» и глазам не верю: та ли уж это Наталья Николаевна?

Да, беседа наша длилась действительно долго (все это время крутился миниатюрный магнитофончик). Дол-

го и, как мне казалось, благожелательно. Но для печати моя собеседница (подобно Н. В. Гоголю) сделала лишь «выбранные места». Очевидно, только эти места и нужны были московскому редактору «Посева» М. Горбаневскому. Но даже и эти места она скомпоновала так ловко, так подредактировала и свои собственные вопросы, что от беседы остались, как говорят, рожки да ножки. Поднаврала Наталья Николаевна во многих местах публикации, и Бог бы с ней. Но непонятно, зачем ей было выставлять меня эдаким тупым и самодовольным деятелем, «плотником», готовым на смерть ради «пайковой» номенклатуры? Я не знал тогда, что некоторые сотрудники «Посева» так пожелтели... Провожая ее до метро, подерживал довольно интересный интеллектуальный разговор. Всерьез я надеялся и на то, что она выполнит свое твердое обещание: показать текст будущей публикации прежде, чем он будет переслан во Франкфурт.

Увы, дамочка оказалась натуральной обманщицей, и я не завидую подписчикам нынешнего «Посева». «Не в силе Бог, а в правде» — мы будем верны давно избранному девизу журнала, говорят издатели.

Хоть бы не впутывали в свои дела Александра Невского. Какая нынче правда в «Посеве», я понял окончательно, когда в том же, т. е. в первом (1405), номере прочитал истерический лепет Татьяны Ивановой, которую «засушили листовки» и которая после 12 июня «позволила себе расслабиться». Эк ее допекло, Татьяну-то Иванову! Вот Наталья Николаевна Белоцерковская, эта расслабляться не позволяет ни себе, ни читателям. Ее миниатюрный магнитофончик, которому позавидует любой сыщик, работает вполне безотказно.

* * *

Ситарян, заместитель премьер-министра, в «актуальном интервью» (10.11.90) с гордостью доложил телезрителям, что первоочередным мероприятием после подписания договора с Германией будет закупка продовольствия. По мнению телевидения, зрители только того и ждали. Как же! Изобилие немецких сосисок сразу поднимет дух нашего полуголодного рабочего класса, и его не потянет на баррикады. Что правда, то правда, на пище святого Антония далеко не уедешь. Но почему-то сообщение не вызвало поголовного энтузиазма?

* * *

Однажды в Молдавии я был поражен грандиозным полем, красным от зрелых помидорных плодов. По полю как ни в чем не бывало шел трактор. Сотни тонн прекрасных плодов запахивали в землю. В то же время из Болгарии день и ночь шли поезда с такими же, если не хуже, но только купленными помидорами.

Мы собрались тогда в Кишиневе на какое-то очередное писательское сборище. Нас усердно и обильно кормили по бесплатным талонам. Поили пуркарским, возили по многочисленным селам. Но у меня все стояло в глазах красное, словно кровавое, поле... Писательский десант, как тогда говорили, наконец, снялся и полетел обратно в Москву. Что же, такое дело. Даже Пушкина посылали в командировку. В гудящем туполевском цилиндре на высоте восьми километров вспомнился вдруг пушкинский отчет губернатору Инзову:

Саранча летела, летела.

Села.

Всё съела

И опять полетела.

Удивительны свойства гениальных поэтов! Вдруг через полтора года лет оживают шуточные, казалось бы, совсем незначительные строчки. Я имел право припомнить эти строчки, поскольку незадолго до этого такой же, только более многочисленный «десант» летал в Баку. Тамашние мероприятия возглавлял сам Алиев. (До сих пор никто из писателей-«прорабов» почему-то не описал этот многодневный и красочный пир в духе восточных сказок.)

Кровавое молдавское поле стояло в глазах. В Москве я добрался до одного довольно серьезного начальника, причастного не только к международной торговле. Он откровенно сказал, что нам необходимо выручать братские соцстраны, потому и мы и везем помидоры из Болгарии.

* * *

Кого же мы выручали во времена перестройки? Два старика, Живков и Хоннекер, упрятаны в каталажку, а Чаушеску вместе с женой пристрелили без суда и следствия.

Ситарян и другие наши лидеры с гордостью сообщали о французских, испанских и немецких кредитах. Га-

зетчики то и дело пеняют западным банкирам: вы, мол, почему-то мало даете и нехотя.

Между тем красное молдавское поле уже оросилось настоящей человеческой кровью. Молдавские националисты, не ведая разницы между русским народом и общесоюзной саранчой, считают Россию главным своим врагом...

* * *

С какой стати давать кредиты, вернее, брать-то с какой стати? Мой санаторный сосед по столу (из Челябинской области) говорит: «Государство не принимает скот на мясо. Не знаем, куда деть тысячу овец. Никто не берет». Депутат забайкальский: «Не знаем, куда сдать зерно. Масла несколько тонн — тоже не берут...» Ленинградское телевидение показывает сотни свиных туш, испорченных... Кем? Разгильдяями или преступниками?

А телевидение с гордостью сообщает о закупленном на Западе продовольствии.

Вопли о пустых прилавках не стихают в печати.

Мелькают восторженные сообщения о зарубежной экономической помощи. Миллиарды марок, франков и прочих гульденов, а о двенадцати процентах годовых — молчок. Зато все твердят о богатстве наших природных запасов.

Увы, неисчерпаемых богатств не бывает. За семьдесят лет мы исчерпали сибирские и северо-восточные лесные запасы, исчерпали и жизненную силу народа вместе с его вот уж поистине почти неисчерпаемым терпением. Осталось дочерпать нефть да газ. Детям, может быть, еще хватит, а внукам — ничего не останется. Что сделано хотя бы с Кольским полуостровом? Мы превратили его в рану Земли. И все это ради всепожирающего экспорта и гигантской самопожирающей индустрии. Почему же эта грандиозная промышленность не может обеспечить народ наш даже утюгами? Ради чего три четверти века строились все наши «Магнитки» и Днепрогэсы? Неужто ради одного Чернобыля?

* * *

18 февраля, 17 часов, 1991 год. Последние известия. Радиодикторы пропагандируют совместные предприя-

тия и внедрение западной экономики в нашу. Спокойными, уверенными голосами толкуют о наших природных богатствах и дешевой рабочей силе. Что это? Крайний цинизм или простое непонимание?

Ведь не может же редактор «Последних известий» не знать, что «использование природных ресурсов и дешевой рабочей силы» — это первый и самый главный признак колонии! А если он это знает, то почему сообщает об этом в положительном смысле, как о полезном для нашего народа явлении? Что-нибудь одно: либо он круглый дурак, либо хитрец и циник. Скорее всего — циник. Ну а диктор — что диктор? Ему дадут бумажку, он и молотит... И миллионы людей слушают, привыкают к новой «рыночной» экономике. Раньше колониальная система прикрывалась социализмом, теперь уже и не прячется, термин «неоколониализм», между прочим, исчез из газетного лексикона. Правда, если б он и не исчез, то радиослушателям все равно долго не придет в голову, что Россия — это и есть колония.

* * *

А вот еще одно интервью...¹

«— Судя по вашему эмоциональному выступлению, у вас сильно болит душа за наше поруганное отечество?»

— Было бы странным, если б она не болела...

— Почему же мы пришли к столь плачевному финалу?

— До финала, тем более до плачевного, по-моему, далеко. Меня раздражают печатные и телевизионные вопли о конце русской истории, о предстоящем голоде, о полной разрухе и прочее. Конечно, хвастаться нам нечем. Но положение не такое уж и беспросветное. Бывали на Руси времена и похуже! Выход один: очнуться. Отрезветь. Перестать верить обманщикам, а там видно будет. У Солоневича и Ильина давно сказано, что делать и где выход.

— Говорят, собственные наши ресурсы на исходе. Надежда — на импорт или на западную помощь...

---

¹ Данное после многих и настойчивых просьб газете «Рабочая трибуна». Редакция, ссылаясь на давние симпатии к М. С. Горбачеву, печатать ответы на собственные вопросы отказалась. Не понятно, для чего было спрашивать? (Прим. автора.)

— Вся эта возня с гуманитарной помощью, которую нам вроде бы даже навязывают, — это обман, лицемерие, подкуп, спасение для пятой колонны. С какой стати нам должны помогать? У нас что, сплошное землетрясение? Или чума? Смешно клянчить и принимать чужую кормёжку, когда мясо, выращенное у себя, выбрасывают на свалку, когда зерно сыпают в пруды и озера. Наши продовольственные трудности отнюдь не стихийные, они вызваны искусственным способом. Оболваненному «демократической прессой», да и еще голодному нашему читателю понять эту простую истину не под силу. Но рано или поздно он все равно поймет.

— Как вы относитесь к наступившей эре тотальной приватизации и коммерциализации?

— Позвольте поступить неприлично, то есть ответить вопросом на вопрос. Где вы видите тотальную приватизацию? Ее нет и наверняка не будет. Можно ли представить частным предприятием Череповецкий металлургический комбинат? Или Северную железную дорогу? Это просто смешно... А если это осуществится, то трагично. В приватизации же мелких гостиниц, парикмахерских, прачечных, ремонтных мастерских, небольших предприятий местной промышленности, заведений по переработке сырья и сельхозпродуктов, традиционных промыслов я ничего дурного не вижу. Иное дело «коммерциализация», как вы говорите. Эта дама действительно пытается стать тотальной. Наметилось засилие перекупщиков, то есть биржевых спекулянтов. Эти ничего не производят, а лишь перепродают друг дружке тот или иной, иногда даже не существующий товар, который дорожает с каждой перепродажей. Пытаясь создать себе социальную опору, демократы начали экономическую реформу не с производителя, а с перекупщика.

Давно ли доллар был равноценен всего четырем рублям? Он и сейчас у себя дома, то есть в США, ничего не значит. Какой-то жалкий бутерброд стоит около двух долларов. У нас же за два этих доллара (то есть примерно за 200 рублей), несмотря на жуткие цены, можно неплохо питаться несколько дней¹. Люди до сих пор не понимают, как их с этим долларом обдурили. Боюсь, что

---

¹ Инфляция действует намного быстрее и проворней книжных издателей.

рост цен и падение рублевого курса происходили не стихийно, а по определенному, причем заморскому, плану.

— Вы, будучи народным депутатом СССР, неплохо знали М. С. Горбачева. Как, по-вашему, стал ли он первостатейным «перевертышем», каким его хотят представить некоторые бульварные газеты, или это человек, действительно хотевший для своего народа и страны лучшего, веривший в свою правоту, но на каком-то этапе потерявший чувство политической реальности?

— Почти все газеты стали теперь бульварными.. На «панель» выходят не только от плохой жизни, от хорошей выходят еще чаще. То же можно сказать о лидирующих политиках. Что же касается М. С. Горбачева... Он оказался просто продажным (ведь премии — те же взятки). Я встречался с ним несколько раз, вначале он казался мне искренним. Но что значит быть искренним? Хлестаков, войдя в раж, то есть в особое восторженное состояние, говорил, что он вот и с Пушкиным на короткой ноге. И сам верил в это свое вранье. Грандиозное лицедейство М. С. Горбачева не повергло меня в особое изумление. Не были неожиданными политические фортели Шеварнадзе, А. Н. Яковлева, с которыми я тоже встречался. Неожиданным для меня был хамелеонский синдром у таких людей, как В. Бакатин и А. Горбунов, с которыми я общался на пленумах ЦК и заседаниях Верховного Совета. Этих людей я уважал, но... Видимо, плохой из меня психолог.

Перед Новым годом я послал письмо А. В. Горбунову по поводу ареста С. Парфенова. Анатолий Валерьянович даже не ответил. Вполне возможно, что письмо до него не дошло. Миром теперь правят не сами лидеры, а их секретарши и референты. (Еще активнее действуют приятели и друзья референтов и секретарш.) Вообще два депутатских года не пропали для меня в профессиональном, писательском смысле. Когда-нибудь я напишу обо всех этих впечатлениях подробно.

— Доверяете ли вы новым демократическим властям?

— О новых демократических властях говорить побаиваюсь. Да и что нового в них? Все уже было и не однажды...

— Способны ли нынешние законодательные акты и указы возродить российскую деревню, спасут ли нас фермеры?

— Пока законодатели слушаются советов таких крес-

тьянских знатоков, как Ю. Черниченко, толку не будет. Само слово «фермер» для России чуждо, как чуждо и слово «колхозник». Со времен равноапостольского князя Владимира господствовало на Руси простое слово «крестьянин» (христианин). Иными словами, верующий человек, вместе со своим семейством живущий на земле, передающий эту землю по наследству. (Если же наследника не было, что само по себе случалось довольно редко, земля переходила в общий фонд, чтобы наделять подрастающих земледельцев.) Нам пытаются навязать западный, чуждый нашему национальному характеру способ землепользования, допускающий куплю-продажу земли.

— Тогда при каких условиях, по-вашему, в России наступит продовольственное изобилие?

— Пусть вернуться из городов потомки настоящих крестьян и возьмут землю своих предков бесплатно, в свое вечное, без права продажи, пользование! Пусть сделают это и те, кто не уезжал из деревни. Пусть останутся в колхозах те, кто хочет там оставаться. Это и есть свобода. Но для того, чтобы ее осуществить, мало юридических законов, необходимы еще законы нравственные... Забвение этих нравственных законов как раз и позволяет нашему обществу семьдесят пять лет мордовать и грабить крестьянина. Как началось это в конце 20-х годов большевистским террором, так и сейчас продолжается. Горожане ведут себя по-предательски относительно своего же кормильца, они предпочитают покупать еду за границей».

* * *

Бабушка, с трудом переваливаясь, пришла на почту. Она просит заполнить перевод... на пять рублей. Нет, не внучке на день рождения, а кому бы вы думали? В Фонд мира. Старуха искренне верит в то, что ее «пятерочка», выкроенная из 70-рублевой пенсии, послужит святому и необходимому делу мира. Еще совсем недавно в газетах с гордостью сообщалось о таких бабушках, потерявших на войне кто мужа, кто сына, а то и всех сразу. С легкой руки Пикассо птицу мира — голубку, художники изображали то на зловещих пушках, то на продырявленных касках. По радио и на концертах звучали песни о мире: «Мы за мир, и песню эту понесем, друзья, по свету».

Или: «Парни, парни, это в наших силах, землю от пожара уберечь». И люди действительно верили в то, что «не бывать войне-пожару, не пылать земному шару, наша воля тверже, чем гранит».

Что же с тех пор произошло с нашей волей, которая тверже гранита? Куда она делась? Полмиллиона американских солдат скинули свои ранцы в аравийских песках. Вновь возродилась дипломатия, теперь уже атомных, канонерок.

Пришел конец «холодной войне» в Европе, даешь горячую на Ближнем Востоке, так, что ли? Всех сторонников мирного исхода трагедии газета «Коммерсант» обызывает «правыми» и «патриотами» (разумеется, последнее слово всегда в кавычках). Некто А. Арбатов в «Московских новостях» всерьез внушает читателям мысль о необходимости помочь американским войскам. Скучно же как-то без войны парням из московских, да и не только московских новостей. Прочтите в «Литературной газете» почти лирический репортаж С. Медведко. Автор в романтических тонах описывает быт американских вояк, приплывших из-за океана и получающих по 2400 долларов в месяц.

В конце репортажа С. Медведко рассказывает многомиллионному читателю «ЛГ», как некий американец из агентства ЮПИ подарил ему одну идею. «...Я в курсе дел Советского Союза, в том числе и армейских, — вещает коллега наших бодрых корреспондентов. — Вы сейчас выводите войска из Восточной Европы, а солдатам даже негде жить. Пока суть да дело, вы их перебросьте сюда. Все расходы саудовцы возьмут на себя. Ваши ребята заработают не только деньги, но и авторитет».

Если бы это печаталось на шестнадцатой странице «ЛГ», и то было бы страшно читать. Писательская газета не сообщает стоимости цинковых гробов, в которых «парни всей земли» поплывут обратно домой, но смело бросает идею в гущу читателей. А ведь и впрямь найдутся резвцы (уже наверняка нашлись), готовые хоть сейчас кинуться в аравийское пекло! Только за кого погибать? И кто же указал нам значительную разницу между Садамом Хусейном и дядей Сэмом»¹.

---

¹ Разница эта обнаружилась довольно быстро. (Прим. автора. 1992 г.)

Увы, но пословица «Вор у вора дубинку украл», видимо, не приходит на ум и корреспонденту партийной газеты, приславшему в редакцию материал, где сплошная романтика, но об атомном флибустьерстве нет ни слова. Ну что говорить о журналистах-романтиках, если сам Шеварднадзе, бывший тогда министром, выступая в Верховном Совете, не отрицал нашей военной помощи американцам, при том условии, что Совет Безопасности вынесет соответствующую резолюцию? Не отрицают такой возможности ни замминистра Петровский, ни Белоногов, ни прочие замы, да вроде бы не отрицает и сам президент... Но если это свершится, то есть если Совет Безопасности действительно вынесет такую ожидаемую многими резолюцию, то ООН как мирная организация перестанет существовать. Она уже не будет мирной организацией всех народов, она тотчас станет военной организацией. Как бы ни изощрялись юристы и дипломаты, выискивающие в ее Уставе возможности для узаконивания войны, война останется войной. Одно дело, когда «голубые береты» встают между враждующими, мирят их, стабилизируют обстановку, тушат пожар. И совсем другое, когда сами будут нападающими, подливающими масло в огонь.

Была у простых людей, не посвященных в политическую игру, надежда на то, что термин «поджигатель войны» устарел и скоро совсем исчезнет. Увы, эта надежда оказалась преждевременной. «Парни всей земли» уже готовы сцепиться между собой насмерть в аравийских песках. Тройки и пятерки наших старух, внесенные в Фонд мира, расходуются неизвестно на что, ведь исчезли даже плакаты с белыми голубицами. Свободная от цензуры пресса наша цинично готовила общественное мнение к войне в зоне Персидского залива. Удивительно в этих условиях целомудренное молчание Всемирного совета мира, полное бездействие Советского комитета защиты мира, его республиканских и областных организаций! Еще больше удивляло бездействие Всемирной федерации женщин, неужели в ее составе остались одни суфражистки, не имеющие сыновей? Если это так, если уже и женщины смирились с неизбежностью приближающейся человеческой бойни, то дела в мире и впрямь никуда не годятся.

Но пора бы нам всем очнуться, и мужчинам, и женщинам. Как бы не стало поздно...

От «общевропейского дома» (на строительстве которого Горбачев был то ли подносчиком кирпичей, то ли уборщиком мусора) Европа, потеряв голову, вместе с Америкой ринулась к мировому общежитию барачного типа. Сербам, не желающим подчиняться Бушу, грозят военной расправой.

«Что такое провокация? Какова ее суть? Как она возникает и действует? Мог ли один выстрел Гаврилы Принципа спровоцировать мировую войну? ¹. А может быть, Австро-Венгрии нужен был такой выстрел, и она организовала его? Говорят, что история повторяется в своем фарсовом, несерьезном виде. А мне кажется, что она повторяется в своем серьезном виде. История славянства подтверждает это. Вспомните обстоятельства перед второй мировой войной. Югославию цементировали сербы. И в первую, и во вторую войну на Балканах погибло больше всего сербов. Они и сейчас гибнут. Сейчас, в эту минуту, когда мы тут сидим, они гибнут. И русские ничем не могут им помочь. Русским самим сейчас надо подсоблять. Хотя в глазах сербов мы и предатели, но мы и сами сегодня преданы. А кем мы преданы?»

Давайте поразмышляем над этим, потому что славянский мир не может, наверное, существовать без какой-то главной государственной единицы, какой была Россия. Меня интересует, почему мировая пресса, «мировая закулиса», как говорил Иван Ильич, так ненавидит Россию и славянство? Почему? За что? Почему эта «закулиса» так разделяет славян? Ссорит их. Почему снова льется славянская кровь? (Конечно, славяне тоже хороши, потому что позволяют себя ссорить.) Но мне кажется, что тут дело серьезней, поскольку кроется за всем этим антиправославная струя. Славяне — это народ, спасающий православие. А православие почему-то ненавидят во многих странах. В Европе, да и в Америке тоже, видят в православии оплот какой-то реакции, черносотенства и так далее. Люди, мечтающие о мировом правительстве, только и думают — как бы поссорить русских с украинцами. Они поссорили хорватов с сербами, теперь они ссорят русских с украинцами, с помощью этих самых

¹ Из выступления в ИМЛ за круглым столом славистов 26. V. 1992 г.

суверенитетов. И все у них получается — вот в чем беда. Наивные деятели РУХа ослеплены и отравлены антирусской пропагандой. Им невдомек даже, что все это уже было. Им кажется, что они первые объявили русских врагом номер один. На самом деле это уже было и до них. И чем это все кончалось — известно, но почему-то все забыли, чем это кончалось. Я их называю поводырями слепых. У этих поводырей тоже есть поводыри, и эти поводыри тоже слепы, потому что провоцируют страшные вещи, грозящие всеобщей гибелью. У слепых этих поводырей тоже слепота. На мой взгляд, существует иерархия слепоты. Если бы простым людям удалось прозреть, они бы сразу обнаружили эту иерархию зла, ускользающую от дневного света, как нечисть из гоголевского рассказа «Вий». Дьявол и его слуги тоже слепы. Вы помните, как Вий говорит: «Поднимите мне веки, я ничего не вижу». Он не видит. И когда его слуги, его прислужники открывают наконец веки ему, он тогда лишь обнаруживает беднягу-философа, бурсака Хому. И бурсак этот был жив до тех пор, пока он был смел. Вы помните эту интонацию в рассказе Гоголя? Как только он струсил, он тотчас погиб. Его сразу обнаружили, и вся нечисть набросилась на него.

Я выскажу мысль относительно трусости интеллигенции. Мы сделали слишком мало для того, чтобы не было таких вещей, какие происходят в Приднестровье, в Югославии, на Северном Кавказе и так далее. Примеры трусости нашей можно приводить бесконечно. Даже в этих стенах, в Институте мировой литературы. Существует комиссия по установлению правды о смерти Сергея Есенина. Эта комиссия, возглавляемая ученым, писателем, критиком Юрием Прокушевым, из кожи вон лезет, чтобы утвердить, доказать лживую версию о смерти Есенина, о его якобы самоубийстве. То, что эта версия лжива, никто из здравомыслящих людей давно уже не сомневается. Но эта комиссия, организованная при институте, доказывает, что Есенин был самоубийцей...

Можно много говорить и на другие темы, подтверждающие нашу общую трусость. Нас уничтожают по частям. Республику за республикой, государство за государством. Чем мы помогли сербам? Не только не помогли, но даже навредили, утвердив и признав Хорватию. Вы все знаете, что такое Хорватия. Хорватия —

это католики, которые воюют против православия. И уже не словом воюют, а ятаганами. А у нас об этом — молчок! Правда, в Хельсинки заступились немного за сербов, но это заступничество было слишком слабым. Можно еще лет десять—двадцать кричать, что мы сами в оккупации. От этого крика оккупация не исчезнет. Надо просто набраться мужества и выгнать оккупантов! Сначала обличить, а потом и выгнать. Хотя бы из правительства. Война-то ведь все равно идет. Эта война теперь комбинированная, где на словах, а где и впрямую кровь льется. Но самое страшное поражение мы терпим в информационной войне. Славяне особенно терпят поражение в этой войне, потому что не обладают этой мощной силой, информационной. Все отдано на откуп определенным силам, враждебным славянским народам. Эта информационная война самая страшная. Страшнее, чем эта война, уже не бывает. Она страшнее открытой войны, и тут же тоже нужна смелость, и надо нам что-то делать более решительно. Прежде всего надо разоблачить предателей, обличить наших тайных врагов. Не надо делать вид, что мы не знаем, что делать! Знаем прекрасно. Трусость мешает. Отсутствие мужества. Тот, кто не знает, что делать, пусть почитает Ивана Ильина, хотя бы «Наши задачи» и «О противлении злу силой». Да все, что ни возьмешь у Ильина, говорит нам, подсказывает, что делать. Не надо ничего изобретать, все уже ясно. Прочтите Солоневича, о котором мы ничего не знали. Наши академики скрывали от нас существование таких людей, как Солоневич, Ильин, Шмелев... Мы не знали о них. Я сам узнал о них уже под конец своей активной деятельности. В молодости, если бы я знал о них, то вел бы себя по-другому и писал по-другому бы. Приходилось все постигать своим опытом, всю эту правду.

Теперь же знаем мы прекрасно, что надо делать! Даже в экономическом, даже в сельскохозяйственном смысле. Прочтите работы Кондратьева и Чайнова, там все расписано по строчкам, по пунктам, что надо сделать, чтобы через два года у нас было полное изобилие. Мы обойдемся без этой позорной гуманитарной помощи! Все сказано — как быть!

Борьба с дьяволом идет не только в сердцах людей, в философии, культуре. Эта борьба уже началась и на речных рубежах — на Днестре и на Саве. Никто не от-

сидится в этой борьбе, хотя многие и пытаются отсидеться.

Призываю к мужеству...»

* * *

...Однажды в Московском Доме кино проходил очередной «демократический» шабаш, не имеющий к кино никакого отношения. «Демократы» (тогда еще без власти), возглавляемые Афанасьевым и Ельциным, призывая к расправе с властями, приняли «хартию».

Пятая статья этой хартии называлась так: «Эффективное государственное устройство». Первый подпункт этой статьи декларирует (какое опять же костоглотное словцо!) «освобождение от культа государства, его верховенства в общественной жизни».

Попытаемся же вникнуть в эти пункты и подпункты. Есть ли в них смысл? Как можно утверждать эффективность того, с чем борешься и чего не хочешь иметь? Если уж говоришь об освобождении от государства и его верховенства, то с этого и начинай, а не с «эффективности государственного устройства».

Итак, долой государство, его верховенство в общественной жизни! До сих пор считалось, что общественная жизнь невозможна вне государства. (Разве только в мечтах утопистов.) Теперь же лидеры демократов пытались внушить, что общественная жизнь важнее государственной. Смешно, да и только.. Впрочем, и не смешно. Представляю, какую свирепую государственность тотчас начнут внедрять эти люди, если придут к власти¹.

* * *

Чуть ли не все центральные газеты с удовольствием сообщили, как в одном из районов Новгородской области угодили сначала под суд, а затем в тюрьму двое русских парней. За что бы вы думали? А за то, что облили краской то ли бронзового, то ли каменного Владимира Ильича.

Можно поздравить нашу перестроечную Фемиду с победой. Тысячи убийц, бандитов, рэкетиров и т. д., воо-

---

¹ Они и пришли к власти буквально через несколько дней после журнальной публикации этой заметки. (Прим. автора.)

руженных не краской, а кое-чем пострашнее, свободно разгуливают по всей стране, грабят, убивают и поджигают. Их уголовные дела закрываются сотнями, не расследованными до конца, а тут... Но где же юридическая логика? Если сажать за краску, то тем более надо сажать за грязь и помои, которые льют на живых и мертвых вождей демократические публицисты. Нет, не посадили пока ни одного, да ведь и хорошо, что до этого не дошло. Но этих-то, новгородских парней, судили и посадили.

Добрая треть российского демократического парламента давно бы сидела по каталажкам, если б органы нашего правосудия относились ко всем одинаково. Нет, сажают выборочно, и я не скрываю того, что требую от Фемиды: «Либо отпусти домой новгородских ребят, либо привлекай и меня к ответу за непочтительное отношение к Марксу и Ленину». Потому, что я тоже читал секретную ленинскую записку, опубликованную во многих органах печати, и тоже испытываю разочарование и в Ленине, и в Сталине.

* * *

Когда-то в редакциях была такая манера — делать обзор материалов за неделю. Обозревали иногда за месяц, иногда и за весь год. В областных газетах существовала рубрика «Обзор печати». В районных газетах, за неимением других «органов», обсуждались стенные газеты. Устраивали смотры «стенной печати». Многие политические и административные деятели начинали свою карьеру именно со стенгазет. Вообще с любой печатью, в том числе и стенной, шутки бывали плохи. Особенно в 30—40-х годах. Человек, пропечатанный в стенгазете, мог лишиться не только работы, но и головы: ничего не стоило угодить и прямо в казенный дом. Еще не так давно людей сажали по «сигналам» печати, то есть по газетным статьям. А про времена так называемого культа и говорить нечего. В 20—30-х годах пропечатанный, не дожидаясь второго предупреждения, начинал сушить сухари.

* * *

«Красный Север» (редакторы Павлов, Геронимус и т. д.) во время коллективизации, изо всех сил под-

собляя ОГПУ, взрастил целый клан доносчиков, широко разветвленный и анонимный. Сидит где-нибудь вдали от Вологды эдакий грамотей с одним классом приходской школы и пишет, пишет. В моем архиве есть один документ: бумага селькора «Красного Севера». Автор послания в газету просит поставить «псевдоним Фильман». Но чаще всего «псевдонимы» ставились более вульгарные, вроде «Шила» или «Гвоздя». Нет, шутить с печатью в те годы не приходилось, востра была наша печать. Да и теперь тоже!

* * *

Уже проклюнулись и выползли из своей скорлупы первые, покамест еще пробные, политические процессы, высиженные нашей перестроечно-демократической прессой. Иные журналисты — «писатели» поспешно занимают высокие прокурорские стулики.

* * *

Как-то перед отъездом из Москвы в Вологду я «при тормозил» у газетного киоска в Кремле. Батюшки, чего только нет! Десятки новых газет и газеток, кипы журналов и всяких разноцветных журнальчиков. Даже глаза разбегаются. Эх, мои родимые елочки-сосеночки, вот где я с вами встретился... Хватаю чуть ли не наугад «Российскую газету», «Куранты», «Правду», «Московские новости», «Собеседник». Что еще там? «Независимая»? Давай «Независимую»¹...

* * *

В поезде читать темно, начал было, да и уснул от усталости. В Вологде к московским присоединяю вологодскую прессу плюс... журнал «Здоровье». В этом когда-то весьма почтенном журнале наряду с брачными объявлениями печатаются теперь инструкции по так называемой «сексуальной культуре». Главный спец по «постельным делам» — академик АПН И. Кон. Интересно, академия каких наук подразумевается под буквой «П»? Можно бы, конечно, изучить рекомендации академика

---

¹ Дело было до повышения цен.

«сексуальным меньшинствам», но уж больно противно. Да и когда читать? Опять же телевизор, дебаты в парламентах. Парламент! Один звук чего стоит...

* * *

Вообще звуки нынче для многих важнее значения самих слов, послушайте-ка наше радио или речи на всяких заседаниях и митингах. «Консенсус!» — с тайным самодовольством произносит депутат (не буду называть фамилию). «Нонсенс!» — не уступает другой депутат с той же трибуны. Ах, лысые шалуны... Но не будем строго судить членов парламента, возвратимся к прессе. Бумаги нет, старые почтальоны не могут ходить. Молодые не хотят — мала зарплата. Печатные органы лезут из кожи вон, чтобы прокормиться и удержать тиражи. И вот печать, как падшая женщина, выходит сперва на панель, потом на бульвар. Тысячи журналистов, отпихнув в сторону своих более совестливых коллег, смело бросились в соревнование по силе цинизма. Забыты такие слова и понятия, как «стыд» и «порядочность». Лишь бы не разбежались подписчики, лишь бы усидеть на читательской шее. И пошли в ход самые древние, самые испытанные приемы завлекательства и оболванивания. Внушить! Оглушить! Вернее, сперва оглушить, а потом — внушить. Во что бы то ни стало завладеть вниманием, даже за счет прямого обмана. Пусть обман позднее раскроется, это ничего. Пока он раскрывается, накатится другая волна, обман замозется новым шумным приливом.

* * *

Все это я давно знаю и все равно покупаю, выписываю и разбираю уйму печатных «органов», потому что среди демагогии и вранья есть ведь и правдивые публикации, смелые и умные статьи, наконец, просто информация о делах и событиях. Куда денешься? Но перед тем как читать «Российскую», разобрать бы хоть почту. Сколько их, таких писем, на которые я не ответил:

«6.01.91. Здравствуйте, уважаемый Василий Иванович!

Уже недели две я слышу позывные «Радио России». И эти две недели ничего ни русского, ни российского в

этих передачах услышать так и не удалось (слушать удастся «Радио России» только по утрам — до 8 часов). Российские только позывные, даже речь на иностранный манер, не говоря уж о содержании. Я сегодня написал автору передачи Владимиру Якушенко и ведущему сегодняшней утренней передачи «Радио России» Олегу Гробовникову письмо на двух листах. Вот послушайте их. Они настолько не русские и не российские. А работают на «Радио России». Не подумайте, что я сторонник запрета на профессии. Но ведь они все время ведут речь не по теме — ничего русского, ничего российского! Нельзя ж наркоманов брать, скажем, на педагогическую работу. Насколько не согласуется и форма и содержание их передач с российским, что непонятно, почему они пошли работать на «Радио России». Может, меня подводит чутье? А может, эти ребята не по своей воле делают такие передачи?»

Валентин Васильевич Шестаченко из поселка Мирный Краснодарского края лучше меня подобрался к истине, когда говорит о «Радио России». Почти то же самое можно сказать и о «Российской газете».

* * *

«Чемпионат по таэквандо», фотографии (спортсмены в белом пинают друг дружку). Внизу крупным шрифтом: «Главный редактор В. А. Логунов». Над «таэквандо» заверстан Иннокентий Смоктуновский, он объяснился в любви Джульетте Мазине. Справа реклама о брокерах. На третьей странице Эдвард Радзинский (или Наталья Боброва?) вещает: «Всеобщая распродажа — от интимных уголков тела до интимных уголков души — в нашей стране уже стала символической».

* * *

Что за чушь, какая распродажа? Что за «интимные уголки тела»? Уж не те ли, о которых говорит академик АПН И. Кон, когда доверительно сообщает об «орально-генитальных» и «анально-генитальных» совокуплениях (журнал «Здоровье», 1990, № 12)? Впрочем, до «Здоровья» я еще не дошел, читаю пока «Российскую». В какой это карточной игре блефуют? Вист, что ли? Блеф в политической печати — это значит делать вид, что все

именно так и есть, хотя журналист прекрасно знает, что все либо далеко не так, либо совсем не так. Газета явно блефует, когда говорит о Б. Н. Ельцине. Ну а с президентом она и вовсе не церемонится. Крупным шрифтом: «Правее, еще правее». Или: «Спасет ли Горбачев Хусейна?» Но ведь Хусейна Горбачев отнюдь не спасал! Иначе бы спас... Спасал он Буша, а не Хусейна, и все равно не угодил нашим радикалам-демократам. Иначе зачем бы им так издеваться над ним, так мелко ехидничать?

* * *

На восьмой и девятой страницах «Московских новостей» помещен двойной портрет: президент и военный министр Язов. Под портретом черными, непомерно крупными буквами стоит: «Чудовище». Двойная мораль журналиста, верстающего полосу, позволяла ему показать кукиш в кармане. (Формально слово «чудовище» относилось к военно-промышленному комплексу, на самом деле получилась подпись к портрету. Не беда, что единственное число...) Увы, «Московские новости», называющие себя «независимой газетой», обманывали читателей. Всех, от кого независим редактор, видно по публикациям. О тех же, от кого он зависим, редактор предпочитал помалкивать. Но это видно и так, без публикаций в «свободной» прессе. Видно, да не всем, и в этом все дело, в этом-то и опасность нечистоплотных газет.

* * *

«Независимую газету», укравшую название у «Московских новостей», читать, пожалуй, и вовсе не стоит. Все ясно по заголовкам. Фамильярность, с которой газетчики обращаются с премьерами и президентами, поразительна. Еще более поражает нахальство, с которым создается и навязывается новая иерархия ценностей. И тут пускаются в ход так называемые опросы. Спросить бы, кто верит в объективность этих опросов? Такого опроса пока не предвидится, а если он и будет, то не спешите верить ему, поскольку цена всем этим опросным институтам частенько такая же, что и цена бульварной печати.

* * *

Еженедельник «Собеседник» отличился на попроще молодежного развращения, но его побаиваются даже министры. Маршал Язов, к примеру, отчитывался перед корреспондентом «Собеседника», как провинившийся ефрейтор. Кого донимают вопросами в этот раз?

«Я очень хорошо знаю, когда надо уезжать из этой страны, когда появляться здесь вновь», — записывает корреспондент слова гения, как вполне серьезно называет газета театрального режиссера Виктюка. И продолжает:

«Играли в киевском театре «Молодую гвардию». Наступил кульминационный, трагический момент постановки — расстрел молодогвардейцев. Фашист махнул рукой и скомандовал: «Фойер!» И в мертвой тишине, опережая автоматную очередь, Виктюк, изображавший Олега Кошешова, громко... пукнул. В шурф мгновенно валятся члены подпольной организации, за ними, корчась от смеха, фрицы. Лишь Роман Григорьевич, не дождавшись вражеской пули, остался один на один со зрителем».

Потрясающий героизм...

* * *

Как видим, «гениям» разрешается даже публично «пукать».

Им все равно: уезжать ли из «этой страны» или пока остаться. Но ни театральные, ни газетные гении почему-то не могут обойтись без таких людей, как Александр Вампилов или Василий Шукшин. И вот демократический гений тиражирует свои домыслы о смерти Вампилова, а политизированная вдова читает стихи В. Шукшина на митинге демократов.

* * *

Цинизм и бесстыдство, бесстыдство и снова цинизм. «Собеседник», поддержанный международными орально-генитальными академиками, усердно рекламирует книгу А. Гайгеса (ФРГ) и Т. Суворовой (СССР) «Перестройка»:

«Эта книга — о не стоящей в плане (личном, производственном, государственном...) ЛЮБВИ. На основе

журналистского опроса молодых мужчин и женщин авторы исследуют сексуальные проблемы в СССР, различные проявления сексуальности (в том числе гомосексуализм, лесбиянство, аноргазмия, онанизм...) и острое социально-психологическое положение представителей сексуальных меньшинств». (ФРГ и «Прогресс», СССР.)

С грамотой еженедельник явно не в ладах. Зато с зарубежными спецами по педерасти и онанизму у него полное взаимопонимание. Ну как тут не покраснеть от стыда за свою низкую сексуальную культуру, как не просветить молодых читателей и читательниц, проживающих, например, в Вологодской области? И вот редактор «Вологодского комсомольца» смело тиражирует мысль о пользе онанизма.

* * *

Стыдно, ужасно стыдно... Но почему несколько не стыдно ни редактору, ни академику педнаук? Внушают ли они мысли о пользе мастурбации и «анально-генитального» совокупления дома, своим детям и внукам? Желает ли корреспондентка «Комсомольской правды» или какой-либо другой «правды», чтобы ее будущая или уже родившаяся дочь, даже не достигнув шестнадцати лет, пошла на панель? Вот что самое любопытное во всей этой скорее гнусной, чем грустной истории с сексуальной культурой. А ведь в «Обзоре» я коснулся одной лишь печати. Ни о телевидении, ни о кино, ни о видеосраме не было пока и речи.

* * *

А ведь начинали они вроде бы совсем безобидно: с рассуждений о современной семье.

1. Почему одним из основных объектов Вашего внимания является семья и отношения между супругами?—спрашивала меня «Комсомольская правда» (кажется, 1988 г.).

— У нормального, физически и нравственно здорового человека может ли возникнуть сомнение в необходимости семьи? Предполагаю, что нет. Объяснить подобные сомнения можно лишь духовной либо физической ущербностью. Тогда почему же периодически зарожда-

ются публичные споры о необходимости семьи вообще, следовательно, и лично Вашей в частности? ¹

Разрушение семьи в личном плане стало делом будничным и не очень опасным. Но для ребенка — это всегда если не жизненная катастрофа, то глубочайшая драма. Между тем многие родители очень легко переносят развод и с той же легкостью вступают во второй, в третий, а иногда и в четвертый брак. И никаких особых угрызений совести не чувствуют. Может быть, поэтому мы и не можем понять простую истину: разрушение семьи в глобальном, в общественном плане есть разрушение самой жизни.

Словом «семья» определяется в русском языке точный количественный состав живущих под одним кровом. Семь «я», семеро. Надо полагать, кроме деда и бабушки подразумеваются отец, мать и трое их детей. Потому что, если детей нет или их один-два, то это семья не полная. Народ вырождается и исчезает с лица земли, если среднее число детей на одну семью менее трех — это ясно любому.

2. Как Вы представляете себе семью 2000 года? Считаете ли Вы, что модель семьи может подвергаться радикальным изменениям? Если «да», то по каким направлениям?

— До 2000 года осталось всего двенадцать лет... Если даже очень захотеть изменить «модель» семьи, уже ничего не успеешь. Но все дело в том, что и менять мне, например, не хочется. Такой уж я консерватор... Что значит «модель»? И что значит «принципиальные изменения»? Семья — это как... ну, как совесть, к примеру. Есть она либо ее нет. Здесь, на мой взгляд, не может быть градаций и вариантов.

3. Существует теория, согласно которой семья, представляющая собой микромодель патриархального общества, устарела. Согласны ли Вы с этой точкой зрения?

— Что это за теория? Эдак можно объявить теорией любой экстремистский выкрик или спокойный субъективный домысел. «Теория» — неподходящее название для нигилистических высказываний по поводу будущего семьи.

4. Предположив, что когда-нибудь воспитание детей полностью окажется в руках общества, его различных

---

¹ Корреспондентка сделала вид, что вопроса не было.

социальных институтов, не должны ли мы опасаться, что семья потеряет свою основу?

— Если считать семью за нечто необязательное, свободно выбираемое, полностью зависимое от личных, зачастую эгоистических побуждений, то, конечно, рождение и воспитание детей становится второстепенным, чуждым и даже неприятным делом. Для государства при таком подходе это будет еще более неприятным. Имеет ли человек в этом право на выбор? Свобода от супружества, от семьи — это лишь иллюзия счастья. Народная философия и народная нравственность у нас в России и, как мне представляется, в западных и восточных странах не допускала тут двух подходов. Семья — это естественное явление, то есть нормальное и необходимое. Если человек здоров, то семья, рождение и воспитание детей воспринимаются как нечто неподвластное обсуждению, как нечто само собой разумеющееся, от тебя не зависимое. Можно в этом случае говорить и о гражданском долге, но, разумеется, понятие семьи намного шире. Оно охватывает все стороны жизни, в том числе и эстетическую. Государство или общество, полностью взявшее на себя воспитание детей, обречено на гибель, в этом я нисколько не сомневаюсь...

5. Изменилось ли лицо современной семьи за последние 20 лет? В чем эти изменения выражаются?

— Конечно, изменилось. Причем, на мой взгляд, в худшую сторону. Дело в том, что на семью оказывают влияние достаточно много скрытых и явных недружелюбных явлений со стороны и экономики, и политики, и культуры. На Западе, например, враждебны по отношению к семье такие социальные обстоятельства, как безработица, иммиграционная политика. Наша, планируемая, экономика также сплошь да рядом не учитывает интересы семьи, то есть подсекает свои собственные корни. Конечно, происходит смена способов производства и... куда от этого денешься? Например, крестьяне раньше трудились всей семьей, на виду друг у дружки. Нынче семья, и не только сельская, работает в разных местах, иногда за тысячи километров друг от друга. Какая уж тут семья, скажем, при вахтовом методе?

Настоящим бичом семьи стало, по-моему, общежитие. Ни в одной стране нет столько общежитий, сколько у нас! В Вологде и Череповце примерно половина самодеятельного, то есть работающего, населения живет в

общежитиях. Многие люди проводят детство в детдоме, юность в общежитии ПТУ и в солдатской казарме, зрелые годы — в палатках, вахтовых поселках, старость — под случайным кровом. И умирают в домах престарелых — одинокие и неприкаянные... Другие, женившись, годами живут в общежитиях: он — в мужском, она — в женском. Такая семья редко выдерживает испытание на сверхпрочность! Помаявшись на частных квартирах, в случайных закутках, семья, наконец, лет эдак через 5—10 получает жилье. Но время для рождения детей, увы, уже прошло. Соседи и друзья по общежитию прекрасно видят маету такой семьи и потому не спешат регистрироваться.

А тут еще подросли алкогольные, табачные, химические и звуковые наркотики... В таких условиях рушатся даже семейные крепости, а не только семейные шалаши! Такие условия уже создали новейший тип молодого человека, который не хочет жениться, и женщины, не желающей не только рожать, но даже выходить замуж. Не помогает и иная молодежная газета, активно взявшая на себя роль гоголевской свахи. Но самые главные соперницы современной семьи — это война и сексуальная революция. Первая ведет свою родословную еще с догомеровских времен, вторая только народилась. Вернее, народилась-то она давно, а вот «права гражданства» начала завоевывать только нынче, на наших глазах... О чувстве стыда не пишут ни в газетах, ни в книгах — «несовременно». Когда-то романтика любви, закрепленная и освященная интимной близостью, была романтикой всей молодости и даже всей жизни. Нынче она превращается в романтику одной ночи, иными словами, исчезает.

6. Как Вы относитесь к разводам?

— Я бы хотел, чтобы было ясно всем — развод это зло, за редкими исключениями. Развод может быть оправдан с нравственной стороны лишь при бездетном браке. Но мало ли чего мне хочется...

7. Какая из семейных проблем, на Ваш взгляд, решается сегодня наиболее успешно?

— Не знаю. По-моему, это предупреждение беременности... Если же говорить всерьез, то проблемы эти, мне кажется, все более усложняются, обществом игнорируются и принимают форму хронических недугов. Мне думается, создавая Детский фонд, организуя сбор книг для детских домов и т. д., мы разглядели не причину, а

всего лишь ее следствие. (Точно так же, как борьба с пьяницами, уже заразившимися, а не с самой заразой.) Конечно, я вовсе не против Детского фонда. Наоборот. Но семью не спасешь строительством новых и расширением старых детских домов. Детям нужна семья, а отнюдь не интернаты. Это я знаю по себе, поскольку двадцать лет жил в общежитиях, знаю по судьбам множества моих знакомых.

Дети в семейных делах — это самая беззащитная, наиболее страдающая сторона тройственной семейной организации. Супружеский эгоизм, приводящий к развалу в семье, измена, легкость разводов делают детство вполне трагичным. И печать этого трагизма остается на всю жизнь. Ребенок, лишенный отца и матери, называется в народе круглым сиротой. Но ребенок, лишенный и одного из родителей, тоже считался сиротой. Негативный смысл сиротства из материальной сферы перекочевывает нынче в сферу психологическую, духовную. Но сиротские страдания не становятся от этого слабей или безвредней для общества.

8. Если бы Вам представилась возможность что-либо изменить в семейном праве — воспользовались бы Вы этой возможностью?

— Для идеальной семьи не требуется никакого особого юридического семейного права. Потребность в нем возникает при отклонениях от нормальной семейной жизни, например, при разводе. Я не очень знаком с подробностями семейного права, поэтому говорить о необходимых изменениях в нем побаиваюсь. Мне кажется, важнее изменить социально-экономические условия создания и охраны молодой семьи. Например, жилищные условия. Хорошо бы вручать ключи от квартиры вместе со свидетельством о браке...

* * *

Надо же так запутать людей, что женщина, молодая девушка искренне сомневается в необходимости крепкой семьи...

* * *

Жила в народе такая не очень чистоплотная поговорка: «Толку нет, дак в няньки иди». Что это такое — идти

в няньки? Девочку лет семи-восьми отдавали в чужой дом нянчить ребенка. Иногда очень далеко. И вот она, сама еще сушая кроха, качает зыбку, подметает в избе, бегаёт с поручениями, и все это вдали от собственной матери, под строгим надзором... В няньки гнало либо полное сиротство, либо бедность. Мальчиков таким же способом отдавали в ученики, в подпаски и очень редко, в самом крайнем случае — в няньки. Вот и родилось выражение: «Толку нет, дак в няньки иди».

Но существовала даже и детская гордость, она передавалась по наследству, вскипала в крови, когда так говорили. Маленький человечек, отданный в люди, при первой возможности возвращался в родную деревню.

Вспоминаю обо всем этом, читая объявление около станции метро «Молодежная». На щите у приземистой забегаловки, где крутят порнофильмы, наклеена бумага какого-то молодежного «кооператива», приглашающая молодых девушек в Америку и в Канаду для проживания в семье. В няньки, что ли? Или в домработницы? А может, обслуживать престарелых холостяков? В объявлении таких подробностей нет. Но некоторые условия указаны. Девушка должна знать английский и быть некурящей...

Не верил я в то, что найдутся в Москве такие дурочки, желающие улететь в няньки за океан. Но вот узнал недавно, что дочка моего покойного друга уже улетела в Америку...

Вот так пташка! В няньки или в прислуги? Не знаю. И знать не хочется, потому что стало вдруг и горько, и стыдно...

* * *

Вологда, улица, на которой живу, люди, древнейшая история... Выйдешь на эту улицу, а справа розовеет на солнце детинец. И главы Софийского собора, как небесные паруса. И золотой крест, и так же сияет золоченый купол соборной колокольни. А слева? А слева — «Ликеро-водочный»...

Горожане-вологжане, малым числом, выстроили к началу второго тысячелетия восемьдесят четыре православных храма. Создали они удивительные былины и сказки. Пропели мои земляки неподражаемые мелодии, срубили неподражаемые жилища из дерева.

Что стало нынче с великой народной культурой?

Когда-то вологодские обыватели радушно встретили, обогрели и накормили, поддержали добрым участием усатого революционера-проходимца. (Дом, где жил Сталин, отреставрирован и стоит целехонький.) Сестра и мать Ленина жили, по здешним меркам, роскошно, летом выезжали на дачу, получали от царя жалование, ничего не делая. Впрочем, как ничего? Делали, и еще как! Философ Николай Бердяев, будучи ортодоксальным марксистом, прекрасно уживался в Вологде с Луначарским. Богданов, Лопатин, Кедров... «Все промелькнули перед нами, все побывали тут!»

Что же осталось в Вологде нынче, после такого нашествия столичных гостей и зарубежных доброхотов? Каково наследие марксистских философов и их революционных последователей — практиков, если не считать мемориальных мраморных досок?

Два театра, один из них — ТЮЗ. Для юного, так сказать, зрителя. Что играют для наших детей, видно по самим названиям. С полдюжины кинотеатров показывают американскую и доморощенную бесстыдную развлекаловку. Опять же одни названия чего стоят: «Бабник», «Дрянь», «Шок», «Порно» и так далее, бесконечно. Несколько десятков дискотек и видеотек. (Что там предлагают нашим девушкам и юношам — лучше совсем не рассказывать.) Вот они, очаги культуры! Видеотека в Доме быта (за десять минут — десять парных и коллективных совокуплений). Видеотека рядом, в следующем доме. Если пройти чуть дальше, упремся в Дом учителя, тут тоже показывают фильмы ужасов и прививают «сексуальную культуру». (Учителя-вологжане ни гугу, как будто так и надо.) Перейдем за реку по весеннему льду: там тоже видеотека. Съездим в завокзальный поселок — такие же заведения. Послушайте, что происходит? Почему вологжане терпят всю эту мерзость? Кажется мне, они просто боятся, что их обвинят в отсталости, ретроградстве и покушении на свободу. Это о пожилых.

О молодежи рано пока говорить, но уже есть и в Вологде юные существа, готовые лететь в няньки за океан.

* * *

В разгар перестройки, когда народ перестал бояться милиции и КГБ, вологодские «демократы» (не знаю, сто-

ит ли называть фамилии), следуя инструкциям из Москвы, объединились в группу «Альтернатива». Они дружно приступили к разоблачению административно-командной системы. Больше всего волновали их, конечно, партийные привилегии. Решили отнять у начальства дачи, больницу, гараж обкома и, конечно, квартиры.

Сказано — сделано.

Начальство изрядно струсило. Потому что рыло было в пуху.

Секретари обкома срочно перестроились и распахнули свои кабинеты. Дело дошло до того, что демократы начали заглядывать даже в котлы и кастрюли обкомовской столовой. Большой дачный поселок в поселке Молочное стремительно опустел. Ветер второй год треплет обрывки пленочного покрытия на заброшенных самодельных теплицах. Стекла во многих окошках выбиты. Баня остыла.

Ободренная первым успехом, «Альтернатива» начала штурмовать исполкомовскую больницу и обкомовский гараж, но тут первая атака была, хотя и не очень успешно, но отбита. Больничный коллектив поднатужился и принял в свою регистратуру ветеранов войны и воинов-афганцев.

Но почему я должен описывать эти драматические, исторические для города события? Пусть «Альтернатива» воспитает своего собственного летописца. Я же взялся за эту не очень симпатичную тему только потому, что сам угодил в число партократов и бюрократов. Четырехкомнатная квартира, где я живу с семьей несколько лет, не дает демократам никакого покоя. Кое-какие многотиражки начали понемногу щипать «депутата Белова», кое-где появились плакаты, рекламирующие мою персону. Звучало мое имечко и на демократических митингах.

«Поделом, меньше будешь нос задирать,— думаю сам про себя.— Но где, когда это я нос-то задираю? Вроде не задираю. Нет, а ты приглядиись, приглядиись...»

И вот я начал приглядываться, размышляя про собственный нос, как гоголевский майор Ковалев.

* * *

Когда-то на площади, где слева стоит каменный Ленин, а справа рюмочная, у начала скверика была остановка такси. Я был тогда студентом, приехал в Волог-

ду к родственникам. Были в Вологде и другие дела: уже начинались разговоры о перебросе нашей воды на юг и о повороте вспять Сухоны. В перерыве между заседаниями на каком-то совещании я вздумал съездить к матери и сестре. Ждал такси. Пассажиров никого не было, но и машин не было. Подошли еще двое парней, спросили, жду ли я такси. Мы стояли так минут пять, не больше. Молча. Вдруг парень, который был поменьше, ни с того ни с сего изо всех сил ударил меня кулаком в лицо. Я еще устоял на ногах... Пришел немного в себя, гляжу, оба моих земляка стремительно убегают по скверу, Пока останавливал кровь, они исчезли. Милиционер, которого я увидел, отказался искать парней, а я не пошел на конференцию по перебросу из-за распухшей физиономии. Самое непонятное и обидное было: «За что? Зачем он ударил? Каков смысл? Ударил и трусливо сбежал...»

«И остави нам долги наши, яко и мы оставляем должникам свои», — говорится в главной христианской молитве. Я давно простил тех парней... «А может, не простил? — нашептывает какой-то второй голос. — Ведь если бы простил, то и не вспомнил бы».

* * *

С тех пор много воды утекло и по Сухоне, и по Шексне. Сухона все же не повернута, и Шексна не подперта, а я живу со сломанным носом. Врачи и до сих пор предлагают операцию, но то ли времени нет, то ли побаиваюсь.

* * *

Я люблю Вологду, даже писал о ней стихи и печатал их в «Вологодском комсомольце», который опекал тогда не только меня. Одна из моих бабушек, Анна Михайловна Коклюшкина, похоронена в Вологде в самом начале страшного столетия.

Мне казалось, что после института я нигде не смогу жить, кроме Вологды. Я мечтал (как и Н. М. Рубцов, как и В. М. Шукшин) о квартире. Потому что всю предыдущую жизнь, начиная со школьного интерната, провел в общежитиях и казармах (как и Рубцов с Шукшиным, как большинство людей моего поколения).

Вологда, подобно тысячам других русских городов, стала городом общежитий. Сергей Викулов, будучи вологодским писательским секретарем, попросил для меня жилье у секретаря обкома А. С. Дрыгина. «Квартир у нас нет,—грозно сказал Анатолий Семенович.— А где он работать будет? Его же и трудоустроить надо!»

Я жил тогда уже на литературные гонорары, был членом писательского союза, уже выходила первая книга за рубежом. Дрыгин, наконец, смилостивился и разрешил прописать меня и жену. Дали крохотную комнатенку в двухэтажном домике общежития совпартшколы. Позднее появилась у нас двухкомнатная квартира за рекой, на улице Самойло. Моя мать Анфиса Ивановна могла жить теперь с нами. Я сделал себе «кабинет» в темной кладовке. В этой кладовке каким-то чудом поместился небольшой стол со стулом. Из-за духоты работать можно было не более двух часов подряд. Темнота и тишина меня вполне устраивали, не хватало одного — воздуха. Но я написал-таки в этой кладовке «Бухтины» и, кажется, «Плотничьи рассказы».

* * *

Понемногу я становился коренным вологжанином, то бишь партбюрократом. Родилась дочь, выходили одна за другой книги. Дадены были медаль и целых два ордена. Пятидесятилетие и госпремию мы с друзьями обмывали уже в четырехкомнатной, уже мог я отключить телефон и закрыться в своей собственной комнате. Хемингуэй писал свои рассказы в кафе, у всех на виду. Но мало ли что мог Хемингуэй! Он, к примеру, называл любовью физиологический акт, обычное совокупление. Даже самый плохой писатель (если он русский) знает, что любовь — это нечто совсем иное, весьма далекое от того, о чем говорит американский классик.

Работать, писать у всех на виду я не мог. Я обманывал даже своих родных, говорил, что сижу читаю, когда закрываюсь в своей комнате. Странно: если даже жена или мама знали в точности, что я работаю, то ничего, кроме статьи или письма, я написать не мог. Для рассказа или повести нужна была абсолютная тайна... Когда кто-то знал, что я работаю, то есть пишу, я почему-то сердился и ничего не мог сочинить...

«Альтернативой» общежитию бывает только квартира. Без квартиры нельзя создать семью, занять одного, двух, трех (вплоть до шестнадцати, как в Средней Азии) детей. «Альтернативой» нашему русскому исчезновению (депопуляции, по-научному) может быть только семья, причем семья не менее чем с тремя детьми, а для этого должна быть «альтернатива» общежитию, «альтернатива» повседневному пьянству, «альтернатива» мужской и женской распущенности. «Других альтернатив нет», — говорят не очень грамотные депутаты. Не подозревают они, что термин можно использовать только в единственном числе. Не оказалось «других альтернатив» и моей персональной комнате, то есть «кабинету».

Но что это? Словно бы оправдываюсь перед вологодской «Альтернативой» за свою обкомовскую квартиру... «Поделом тебе, — твержу сам себе, — не задирай сломанный нос. Одна у тебя альтернатива: не лезь в партбюрократы».

Вологжане все-таки очень своеобразный народ. Ни с кем-то его не спутаешь, вологжанина: ни с ярославцем, ни с вятичем. Может, еще во времена Непеи — первого посланника на берега Альбиона — сложился облик моего земляка да так и запечатлелся на все столетия вплоть до бестолковой и потому опасной нынешней перестройки. Но в чем же своеобразие моего земляка?

Мне кажется, что главная черта вологжанина — это его природная доброта. Все остальные признаки — и хорошие и дурные — происходят от этого главного корня. («Как, — удивится читатель, — неужто и дурные свойства можно объяснить добротой?» — «Излишней...» — замечу я и замну разговор.)

Мы почти ничего не знаем, как вел себя в Англии первый русский посол. Но ведь в то время даже прозвища кое-что значили. Непея — значит не пьющий... Царь Иван Грозный знал, кого посылать в такую даль, знаем примерно и мы разницу между Непеей и послом... Кто там сидит сейчас от нас в Англии? Бог знает. Что ж, сравним Непею прямо с Козыревым, нынешним русским министром! Но я отвлекся...

Размышляя о вологодском характере, вспомнил я ту «застойную» зиму, когда в Вологде и ее ровеснице Москве пришлось открывать фирменные магазины «Вологодское масло», потому что торговля затоварилась этим продуктом. Совсем дешевое «вологодское» масло просто не знали, кому сбыть. Ныне, при министре Козыреве, масло почему-то приходится покупать в Германии и Голландии.

В ту зиму случился в Вологде изрядный переполох. Толпа горожан каждый день заполняла площадь около Софийского собора, во всех домах говорили только об одном, везде царило приподнятое настроение. Тройки с бубенцами то и дело катились мимо, знаменитый артист во фраке мерз на ветру. Кричали что-то помощники режиссера. Толпа послушно исполняла команды. За участие в массовке платили по три рубля, но вологжане зарились отнюдь не на деньги. При чем деньги? В любом доме, в любой квартире артистов встречали как родных, угощали чаем и пирогами, прямо заманивали. Но артистам было некогда распивать наши чаи: они снимали эпизод к фильму «Дядюшкин сон». Съемочная группа была просто поражена вологодским гостеприимством. Всего один эпизод с выездом, а какое великодушие, какой гостеприимный, какой добрый народ! Напоследок киношникам закатили в филармонии грандиозный банкет... Столы были плотно заставлены мясными и рыбными закусками и бутылками многих сортов. На возвышении в президиуме, помню, сидели режиссер, еще кто-то московский, заведующая отделом культуры Антонина Николаевна, артисты Николай Крючков и Нонна Мордюкова. После многочисленных тостов все, разумеется, напилось, дело дошло до баяна. При разъезде, осмелев от выпитого коньяка, я начал критиковать Мордюкову за фильм «Председатель», а наутро сильно мучился угрызениями совести. (Шукшин в насмешливом письме успокоил: «Ха! Обидишь ее!»)

Вся Вологда только и говорила о киношниках, все только то и делали, чтобы угодить москвичам.

Теперь спрашиваю сам себя: откуда у вологжан та-

кое подобострашие, такое самоуничижение перед приезжими? От доброты, отвечаю я сам же себе, но звучит не совсем убедительно.

«Киношный» эпизод из жизни Вологды вспомнился мне в связи с нынешним приездом в Вологду американских деятелей. Почти все было точь-в-точь так же. Они устроили нам экономическую и политическую ловушку, ездят ко стране как дома (наверняка и шпионят), а мы перед ними только ломаем шапки и готовы вывернуться наизнанку.

* * *

В День международной женской солидарности после программы «Новостей» решил еще раз включить телевизор. Батюшки-светы, что это! По ошибке нажал не ту кнопку. Во весь экран розовая, ритмично двигающаяся дамская задница. По-видимому, это и есть пресловутый седьмой канал, возглавляемый вологжанином В. Н. Секретаревым. Говорю сам себе: «Чёрт возьми, выруби эту мерзость и никогда не включай впредь». «Э, нет, — подзуживает какой-то сторонний голос, — ты уж досмотри, досмотри, братец. Надо же знать, чем потчуют Восьмого марта твою дочь и жену демократические средства массовой информации».

Но до конца досмотреть я так и не смог. На четвертой или на пятой случке в бешенстве выключил дьявольскую машину.

Привычно тикал будильник, спокойно горела настольная лампа. Ребенок заплакал в верхней квартире. Фантасмагория исчезла. Но что происходит? Неужели такие понятия, как стыд и срам, начисто исчезли не только в Москве, но и в моей любимой Вологде?

Раздосадованный, вновь нажимаю «не ту» кнопку. Мелькают роскошные итальянские отели, пляжи, шикарные наряды, прически, машины и... снова случка. Спаривание. Пульсирующее человеческое мясо крупным и мелким планом.

* * *

Я дважды был в Италии и могу твердо сказать, что ни в Риме, ни в итальянской провинции такие фильмы не пропагандируют. Туда, где демонстрируется подобная

продукция, нормальные и порядочные итальянцы просто не показываются, они для этого слишком брезгливы и щепетильны. В Германии, во франкфуртской гостинице, несколько вечеров подряд смотрел местные и американские телепрограммы — такой густопсовой порнографии ни разу не было. В Японии действует с полдюжины дневных и ночных телепрограмм — ничего подобного нет и в помине. Эта мерзопакостная, на уровне медицинской физиологии «художественная» стряпня показывается лишь в определенных местах. Нормальные американцы тоже тщательно оберегают от нее детей и подростков. А мы хвастаемся перед американской так называемой делегацией нашей вологодской демократией и свободой! Стыдно, братцы. Щеки горят...

* * *

Через день или два звоню в это самое малое предприятие, которое завладело в Вологде седьмым каналом. «Вадим Николаевич, — спрашиваю, — у вас есть дочь?» — «Нет, у меня сын». — «А вы не вместе с ним смотрите седьмой канал?»

Чувствуется легкое замешательство. Но Секретарев тут же идет в наступление: «Женщины ради праздника попросили показать что-нибудь эротическое. У нас много писем, очень довольны нашей программой. Приезжайте, прочтите сами. Пишут мать с дочерью пятнадцати лет...»

Ну, коли женщины, да еще мать с дочерью... Да еще в женский день просят показать что-нибудь эротическое...

Тут уж все. Тупик. Руками развести только и остается.

«Ну, а сами-то вы? — в отчаянии взываю к руководителю телевизионной коммерции. — У вас-то, у самих-то? Есть совесть или нету совсем?»

В ответ звучит что-то неопределенное, что-то насчет денег и коммерческих трудностей.

Вот вам и Вологда, столица когда-то чистого и стыдливом края.

* * *

Зелененькие... С какой вожденной нежностью зву-

чит это словечко в устах матерого южного спекулянта, столичного биржевика или его жалкого вологодского прихлебая, торгующего зеленой плотью нашего разоренного Севера. Кричать хочется: что ж вы, ребята, делаете? Такую-то красу за солому, за полугнилую тушенку. Неужто не жалко? Эх, елки зеленые. Пели когда-то во время войны:

Не одна в поле березка,
Не одна и елочка.
Не одна на свете я
Осталась без миленочка.

Остались наши бабки и матери без миленочков, а сами мы, похоже, останемся и без елочек-сосеночек. «Все пропьем, все вырубим!» — смеются новые нэпманы. Но откуда такая прыть? Нежность к «зелененьким» обуяла не только биржевиков, но и всю репортерскую братию. Редкая статейка обходится без того, чтобы не лягнуть рубль (по-украински карбованец). Эпитет к нему «деревянный» придуман нарочно, чтобы угодить владельцам «зелененьких». Но ведь в каком-то деле все наоборот — зелененький-то рубль. Доллар же получается вполне деревянный. Вспомните хотя бы историю с Сямженским леспромхозом. Все доллары у Начхебин¹ деревянные. Наши же зелененькие лесные рубли странным образом стремительно обесценились. Как это случилось? Конечно, не без помощи предателя Горбачева и его продувной компании. Но не меньше и от нашего с вами чужебесия.

Давно ли наш рубль прекрасно тягался с долларом? Меняли четыре рубля за доллар. Нынче... нынче надо 350 рублей за одну бумажку со всевидящим оком над усеченной масонской пирамидой.

* * *

Чтобы понять, как ловко нас облапошили, зайдите в магазин на Дорогомиловской около Киевского вокзала в Москве. Там есть все, вплоть до заморских плодов авокадо. Но все за доллары. Российским подданным там нечего делать, но и американцы предпочитают советские рынки и магазины. Упаковка с тремястами граммами

---

¹ Делец, купивший одним махом целый леспромхоз вместе с бакарами и лесорубами.

сыру стоит четыре доллара. Умножьте на 300—350, сколько рублей получится. Даже при нынешних наших фантастических ценах приехавшему к нам американцу выгодно обменять на рубли все до последнего цента. Зачем ему покупать сыр (и нефть тоже) у себя дома? Лучше приехать к нам, обменять доллары на рубли и за бесценок купить наши елочки-сосеночки. А потом продать их, но уже за доллары, а те доллары опять обменять на рубли и снова лесу купить.

Так и делают. Так образуются новые миллионеры на наших елках-березках. Так мы укрепляем чужую валюту и превращаемся в вечных должников. Так наша родная зеленая Вологодчина, несмотря на стальной щит Череповца, уже сейчас превратилась в колонию. И не одна Вологодчина, а и Тюменская область с ее нефтяными скважинами. И наши соседи-архангелогородцы с их разведанными алмазными россыпями тоже станут вкалывать на благо Оппенгеймеров — торговцев бриллиантами.

* * *

Бывал я и в Америке, и в Канаде... Обычная расческа, купленная в Вашингтоне, стоила полтора доллара. Бутерброд (хороший) два доллара, плохой тоже полтора, т. е. наша минимальная пенсия. Я показал эту расческу Верховному Совету с кратким соответствующим комментарием. Верховный Совет не обратил на мои слова никакого внимания. Тогда же я задал вопрос премьеру Павлову, который стоял на трибуне: «Каковы основные признаки колонии?»

Премьер, подобно той девице из редакции, сделал вид, что вопроса не было.

* * *

Как спаслась наша Вологда от переименования в 20—30-х годах? Непонятно. Все соседи получили новые клички, все края подобно тщеславным писателям приобрели звучные псевдонимы. Питерцы преобразились в ленинградцев, тверяки назвались калининцами, вятичи стали Кировцами, нижегородцы — горьковцами. Архангельск едва-едва устоял. Всем пленумом умоляли Сталина, чтобы позволил назвать Архангельск Сталинопор-

том. Генеральный благоразумно не разрешил, поскольку уже имелось несколько городов с его бессмертным именем. Вологда явно отставала, а ведь могла бы в два счета стать каким-нибудь Кедровском или там Мари-Ульяновском.

Впрочем, и не отставала, пожалуй. Менжинские, кедровы, урицкие, володарские, лассали, клары цветкины подобно энцефалитным клещам прямо-таки впились, на многие десятилетия присосались к вологодской истории. Вологжане только сейчас начали стряхивать их с городских стен да и то не везде. Бабушкины, Хлюстовы и Мальцевы все еще держатся на углах и на пьедесталах. До сего дня на здании горисполкома торчит имя некоего Элиавы.

* * *

Да, чужебесие почище всякого энцефалита, оно поражает не только человеческий мозг, но и сердце, и душу. Все сразу.

В сочетании с неизбывной северной добротой производит оно довольно причудливые психологические явления: чтобы убедиться в этом, полистайте нашу демократическую прессу, хотя бы «Вологодскую молодежь» (когда-то была она «Сталинской молодежью»). Боже, какие идеологические контрасты, какие эстетические перлы, какое странное сочетание бездумной простоты и бесстыдства! Недалеко от зеленой «молодежи» ушли и оба суровых «Севера», печатающие опусы про нечистую силу, про местных колдунов и пришельцев из других миров, про шедевры маркиза де Сада и хиромантию. Журналистика задает тон, а уж следом за нею влачатся все остальные и прочие. Взгляните на афиши нашего переименованного ТЮЗа: что там родного и своего? Все там чужое, заемное, словно ты и не дома живешь, а где-то в Монтане или Арканзасе. Про кино и говорить нечего.

Но... «Пройдет и это», — как говорит вологодский поэт Александр Романов. Вологжане народ особенный. Много они перетерпели на своем веку всяких вирусов. Переболеют и чужебесием.

* * *

Еще пятьдесят лет назад вокруг моей родины с трех

сторон шумели от ветра сосновые боры, перемежаемые еловыми гривами. Лесные сенокосные полянки с дымными низенькими избушками вкрапливались в это многовёрстное хвойно-зеленое царство. Рыжики, грузди, княжица, малина, черника, смородина, морошка, брусника, дичь боровая, то бишь рябки и тетеры, пушное и мясное зверье, речки и ручьи с рыбой, смола и хвоя, корье для выделки кож, дрова и целебные травы, не говоря уж об основном материале для строительства,— все это было в изобилии, всего этого хватало трем тысячам взрослого населения, которое жило на землях нынешнего колхоза «Родина».

Во время моего детства зимой у гумна, в двухстах метрах от дома, еще прыгали по ночам зайцы двух пород: крупные русаки и поменьше — беляки. Своими глазами их видел. Их ловили клепцами. Лисы ходили по зайчьим следам, не одна и не две. Стаи куропаток с шумом вылетали из гумен. Нынче, когда на той же территории живет всего несколько десятков крестьянских семей, лес вокруг тоже вырублен. Как говорит мой сосед, все выхлестано. Ни людей, ни деревьев. Лесные речки высохли. Куда все подевалось? Ни рыбины, ни зайца. Все, в том числе и люди, исчезло вместе с лесами.

* * *

Миллионы, нет, наверное, миллиарды деревьев спилено и отправлено за границу, потоплено в сплавных реках, сгнило брошенными либо заживо спалено. А сколько их изрыгнули в Северный океан великие реки Двина и Печора? Прорвет запань у пьяного начальника — полскандинавского государства на полгода обеспечено пловочником за счет одного плавника. А сколько вывезено за границу через Архангельский и Мурманский порты? Даже подумать страшно. Еще при Ленине тысячи крепких мужиков бросили плуги и бороны, перестали пахать и взялись за пилы и топоры. Не по своей воле взялись. Северная Русь (только ли северная?) превратилась в колонию. Да, именно в колонию, но в чью? История все равно разберется, чьей колонией была и чьей стала земля, которую мечом защищал еще Александр Невский. Вот дожили мы, грешные, до перестройки. Но чему научились, что поняли за шесть

перестроечных лет? Как грабили нашу природу, так и сейчас грабят.

* * *

...Машина с грузинскими номерами шпарит за моей деревней напрямиком на лесоучасток. Чего везут? А мороженые яблоки. Обрато этот автомобиль, груженный уже круглым лесом, едет намного тише. Отборные бревна плывут мимо моей бани напрямиком на Кавказ, в солнечную и братскую Грузию. Эх, зачем я хлопотал в облысполкоме, чтобы построили эту дорогу! Лучше бы ее не было, этой дороги...

* * *

На главной колхозной усадьбе, в центре, у брошенного коровника, видны многолетние, грандиозные завалы горбыля, реек, досок, планок. Это отходы. Бригада дюжих парней (опять же из солнечной Грузии) много лет пилит из родимых моих сосен и елок штакетник, какие-то планочки вяжет в пучки и отправляет в неизвестность. Говорят, что шестьдесят процентов дохода поступает в колхозную кассу...

* * *

Машина, но уже с вологодскими номерами, опять шпарит мимо моей бани. Что нынче везут проголодавшимся лесорубам? Пустая... Зато обратно опять с бревнами. Кооператоры, настырные и тоже безжалостные, везут и везут бревна из давно ограбленного зеленого царства. Деревья не успевают расти. Тайга погибла. На лесных пустошах бродят одни лоси. Ольха, осинник, ивовая непроходимая заросль. Жуки-древоточцы дырявят останки поверженного лесного войска. Вон появились какие-то новые летучие насекомые. Их называют лосиными вшами. Залезают в волосы и как бы присасываются, плотно прилипают к телу.

А куда птицы исчезли? Я помню, какой стоял гам, какой вселенский концерт звучал в летнем нашем лесу, когда идешь по лесной тропке. Особенно весной или в начале лета. Теперь — тишина. Редко-редко попищит где-то синичка или побарабанит дятел, по весне печаль-

но где-нибудь прокукует несколько раз кукушка. И все. Пустыня, безмолвие.

А через Вологду, на юг, идут и идут машины с брусом, с необрезной доской... Но больше с круглым свежесрубленным лесом. Везут днем, но больше стараются ночью. И невольно вспоминаются стихи Некрасова:

Плакала Саша, как лес вырубали..

Нет, мы уже не плачем по таким пустякам! Чего нам плакать? Мы перестроились...

* * *

— Всё пропьем, гармонь оставим,— весело говорит мужик, вылезая из кабины. Железные ворота ликероводочного разверзают свою пасть, мужик бежит в канцелярию, машина с торжествующим рычанием выезжает в заводское нутро. Я вижу: оно осеняется поперечным плакатом, как знаменем. На полотнище слова: «Ударная работа — гарантия перестройки!»

Другая машина с архангельским номером стоит поблизости. С прицепом. Доверху нагружена свеженапильной необрезной сороковкой.

— Почему из Архангельска? Облпотребсоюз, что ли?— спрашиваю шофера.

— Ну! Меняем товар на товар.

В конце дня та же машина стоит носом уже в противоположную сторону. И прицеп, и кузов доверху нагружены ящиками с водкой.

— Это нам не надолго,— миролюбиво говорит архангельский грузчик,— Два дня — и очистим...

* * *

Народ спаивается¹, спаивается централизованно государством.

На нас ежегодно падает атомная бомба посильней хиросимской.

Погибает столько людей от этого, что страшно даже подумать.

Эти цифры держатся в секрете. Сколько у нас алкоголиков?

---

¹ Из телевизионного выступления в ноябре 1988 г.

Мы не знаем. Сколько рождается дебильных детей, тоже не знаем. Ничего мы не знаем, у нас тишь да гладь. Когда мы очнемся, когда отрезвеем, мы, может быть, узнаем. Но пока пьем, мы ничего не узнаем. Потому что с пьяным человеком можно делать все, что хочешь. Угнетать его, не замечать его... Делай с ним что хочешь, он не будет сопротивляться, он живет с чувством вины. Откуда все это взялось? Я прекрасно помню времена, когда в народе не было пьянства. Я вам ручаюсь, не было. Еще во время войны — не было у нас пьянства. Молодежь не пила совсем, женщины пили только пиво по праздникам. Сильно выпивали одни забулдыги, над которыми народ смеялся. Они были изгоями. По праздникам мужики, пожилые, бородатые, пили пиво. Холостой молодежи не положено было пить вообще. Я помню это время. Теперь все сваливают на традиции. Была, мол, такая традиция на Руси, она и виновата. Ничего подобного! Это приобретение новейшее...

* * *

Всемирно известный хирург академик Федор Григорьевич Углов много лет подряд пробует докричаться до совести тугоухих правителей «умеренно пьющей» интеллигенции:

«Если с трезвой головой проанализировать наши беды, то можно увидеть, что их уровень совпадает с уровнем потребления алкоголя. Не знаю, видят ли это патриоты, но те, кто задался целью разрушить нашу страну и уничтожить русский народ, это хорошо понимают. Они руководствуются высказыванием Екатерины II, что «пьяным народом легче управлять», а это значит, что его легче уничтожить его же собственными руками. Вот почему у нас идет такой страшный разгул пьянства под самодовольные усмешки и одобрения мафии и «глубокомысленное» молчание патриотов.

Почему молчит наша печать? Почему за последние три года, вместо того чтобы забить тревогу, она «скромно» отмалчивается? Почему не освещается разрушающее влияние алкоголя на все стороны внешней и внутренней жизни человека, на его мозг, и особенно на его нравственность?! Последняя, как самая высшая, самая совершенная функция мозга, страдает в первую очередь, и от малых доз алкоголя. А если нравственность

разрушена или угнетена, то все наши попытки дойти до сознания человека будут бесполезны. И вряд ли наши патриотические призывы подействуют на тех, чей мозг затуманен водкой, ибо даже после умеренной дозы мозг приходит в норму только через 18—20 дней. Поэтому, замалчивая всю правду об алкогольной беде, патриотическая печать «льет воду на мельницу наших врагов», помогая им уничтожать народ и страну.

За шесть лет «перестройки» русский народ уже сократился на 8 млн. человек. А сколько родилось дебилов и уродов?!»

* * *

Но у таких правителей, как Маслюков, совесть, как говорится, даже не ночевала. На что надеялись депутаты, утверждая таких правителей? Непонятно. Летом 1989 г. при утверждении министра здравоохранения автор этих записок опять не удержался от выступления:

«...я уважал Евгения Ивановича Чазова до сегодняшнего дня. Сегодня это уважение поколебалось. Я посылая министру записку такого содержания: «Считаете ли Вы алкоголь наркотиком, и если да, то как Вы относитесь к призыву депутата Шмелева на съезде к расширению продажи и сбыта алкоголя?» Далее я спрашивал об отношении к ЛТП, а также какова смертность в стране, связанная с алкогольными напитками.

Евгений Иванович не ответил ни на один мой вопрос. Он только попытался ответить на первый вопрос: считает ли он алкоголь наркотиком. Оказывается, он не считает алкоголь наркотиком и даже привел какое-то доказательство по поводу всемирной номенклатуры, как он выразился.

Знает ли Евгений Иванович о Всемирной организации здравоохранения, которая решила твердо и единогласно считать табак и алкоголь наркотиками? Мне странным кажется то, что министр здравоохранения не знает об этом решении Всемирной организации здравоохранения. Наверное, Евгению Ивановичу известны примеры всемирной истории, когда целые народы вырождались и исчезали только из-за алкоголя. По моим данным, у нас ежегодно гибнет один миллион людей от алкоголя. А сколько рождается дебилов, я не знаю, это должен сказать министр, и сколько гибнет людей, он

тоже должен сказать, но не сказал. Как голосовать за такого министра, который не знает или не согласен с решением Всемирной организации здравоохранения? Я проголосую все же за Евгения Ивановича в надежде на то, что он пересмотрит¹ свое отношение к производству и продаже алкогольных напитков. И не пойдет никогда на поводу у Маслюкова, который продолжает отстаивать политику спаивания нашего народа. Или вы вместе, заодно, Евгений Иванович? Вы же министр здравоохранения и обязаны отвечать за эти вещи...»

* * *

Конечно, все они были заодно.

* * *

...В Москве, второго ноября 1990 года, в пятницу, около трех дня. На станции метро «Ленинский проспект» у колонны лежит человек на левом боку. Голова в луже крови, ноги полусогнуты. Хорошо отглаженные брюки. Кровавая лужа уже начинает спекаться, человек не двигается. Мимо идут люди, отворачиваются, уныривают в двери вагонов. Те, что вышли,— тоже мимо. Редко кто при виде кровавой лужи замедлит шаг, поглядит — и дальше. Уборщица метет опилками, говорит спокойно: «Упал. Наверно, худо стало».

Дышит или нет? Дышит... С шумом нагрянула электричка. И я тоже, как все, ушмыгиваю в вагон. Двери захлопываются, поезд ринулся в подземную темноту. Все видели человека в луже крови... И уехали. И я уехал, и я такой же, как все. Господи Боже мой, а вдруг он сейчас умрет? И ты ничего для него не сделал, ты уехал. Труслив? Равнодушен? Ленив? Следующая — «Шаболовская»... На «Октябрьской» я не пересаживаюсь во встречный поезд и не возвращаюсь обратно, я перехожу с радиальной на кольцевую. Уезжаю от лежащего человека еще дальше.

Но чем дальше уезжаю от лежащего человека, тем больше будет становиться мой грех, мое равнодушие, и

---

¹ Не пересмотрел. Ушел с поста обратно в науку. (Прим. автора. 1992 г.)

тот грех я не смою никакой водой, я так и останусь с этой тяжестью на душе. Навсегда, навечно останусь, так и умру с этим грехом...

* * *

Почему же это произошло? Я представил свою родную деревню, пустынное осеннее поле, ольховые кусты. Если бы я шел по этому полю и увидел бы человека, лежащего в крови, неужели бы я прошел мимо? Нет, наверняка нет... Там я сделал бы для него все возможное, все, что было бы в моих силах... Так почему же тут, среди тысячных толп, среди подземного шума, при свете бронзовых канделябров, ты оставил его в луже крови? Ищу себе оправдание: «Я ждал, что это сделает кто-то другой, кому это положено. Милиция, «скорая помощь», какой-нибудь работник метро...»

Кто-нибудь другой... Кому положено...

Каждый из нас понадеялся на кого-то другого! Город, с его толкучкой и теснотой, всегда дает фальшивое право не думать о ближнем.

Да разве впервые эдак случилось с тобой? Забыто многое не сделанное, вот так же — то ли по равнодушию, то ли в спешке. Но они же копят, подобные случаи! Они сливаются воедино и давят, и будут всегда, и останутся вечно с тобой. Вечно! Так торжествует и крепнет в душе царство дьявола...

* * *

Ничего в мире нет случайного, и в жизни ничто не проходит бесследно, ни хорошее, ни дурное. Я долго не признавал этого, пока не убедился на собственном опыте. И только жалею, что произошло это слишком поздно, и я успел наделать великое множество всевозможных грехов. Назовем их ошибками в угоду атеистическому самолюбию. Хотя грехи есть грехи. Ухищрения терминологии лишь на какое-то время подсобляют затемнить простые и ясные древние понятия. Ошибкой можно назвать только невольный грех, да и то не всегда. Называть ошибкой сознательное преступление (вольный грех), как делают это судебные адвокаты, и вовсе нельзя.

* * *

Нельзя-то нельзя, но мы делаем это на каждом шагу. «Стоп, стоп, дружище, остановись,— одергиваю сам себя.— Почему ты говоришь «мы»? Грех-то бывает только свой, личный, и отвечать за него тебе, и никому больше». И впрямь! Говоря «мы», я малодушно пытаюсь разверстать собственный грех на всех людей. Если же я не виновен в чем-либо, не грешен, то нечего и говорить «мы», а также прямо и надо сказать: «вы». Но это будет уже не покаяние, а обличение...

* * *

Коллективное покаяние (мы такие, мы эдакие), развернутое авторами в нынешней прессе, выглядит фальшиво. Оно оборачивается обличением. Обличать же других, а не себя — самое легкое, самое доступное и самое соблазнительное дело. Остается молчать. Молчать и совершенствоваться. Но и молчать я не могу, когда... Ну, например, когда свершается несправедливость к моей семье или к моей стране.

Например, чем больше признаков русского национального возрождения, тем яростнее клевета и нападки на русский народ. За что? А ни за что. Просто за то, что это русский народ.

* * *

«Да, да, все русские, в скобках советские, люди — шизофреники, — всерьез вещает журнал «Даугава» (1990, № 1). — Одна их половина — садист, жаждущий власти неограниченной, другая — мазохист, жаждущий побоев и цепей».

Подобные гнусности кишмя кишат в нынешней так называемой свободной прессе. Россия, в прямом смысле раздираемая на части, терпеливо сносит нападки и оскорбления. Русский народ покамест безмолвствует. Он терпит. Но терпение наши враги тоже относят к нашим отрицательным свойствам. Что же нам, русским, делать, как нам быть? Не знаю... Знаю только, что национальное возрождение началось, и оно, на мой взгляд, немислимо без глубочайшего нравственного обновления. Но возможно ли нравственное обновление вне

искусственно прерванной тысячелетней христианской традиции?

* * *

Снова вырвался из Москвы и еду в деревню через Вологду. Тороплюсь к больной матери, газую... Мечтаю сегодня же затопить баню, а завтра сходить в лес за морошкой. (Не таяла в сердце и тайная надежда выкроить время для работы над книгой.)

Город Сокол давно и упрямо стоит на моем пути. Давно, сорок один год тому назад, я чуть не утонул здесь в Сухоне. Мы — фэзэошники — купались тогда с бонов. Хвастаясь перед сверстниками в умении нырять и плавать, я, помнится, долго шел ныром в тогда еще чистой воде. Так долго, что начал стремительно слабеть. Надо было быстро выныривать, что я и попытался сделать. Но голова стукнулась в бон. Вверху надо мною была тьма. В своей речке мы ходили с камнем по дну самых глубоких омутов, ходили с открытыми глазами, и нам открывался чудный подводный мир. В Сухоне было мне не до водорослей. Мощное течение тащило дальше под плот. Нырять, я не учел того, что был, во-первых, голодным... Во-вторых, плот стоял отнюдь не параллельно току воды. Он стоял под большим углом к течению. Меня затянуло под плот... Силы мои уже кончались, но справа по ходу реки вода светилась. Прижатый течением к бревнам, задыхаясь, начал я выкарабкиваться...

* * *

Да, вода светилась. Правда, небо светилось во много раз сильнее и ярче, особенно в тот день, но в небе тоже происходило много всякого: в те же дни на моих глазах отвалилось крыло у планера. Я учился в Соколе всего шесть месяцев, но как много было всего!

Одна история с чесоткой, которой меня заразили еще в школьном интернате, чего стоит! (Было так стыдно, что я убежал с медицинских осмотров и занимался самолечением — тайно купался в пенистых кислотных выбросах около Сокольского бумкомбината.) Или взять незабываемый случай с арестом. Мы с Венькой Самсоновым за то, что нас прокатят пьяные мужики, взя-

лись вернуть лодку на лодочную станцию. Гуляк (тоже течением) затянуло к барже, на которой работали заключенные. Арестанты попросили у мужиков папироску. Мужики пытались бросить им початую пачку «Севера» (В 49-м году был еще вроде бы «Норд»). И тут началась стрельба с берега. Охранник в бешенстве кляцнул затвором. Он бегал по берегу и орал одно и то же: «Становись по два!» Мужики причадили и устроили драку. Высыпало сразу несколько человек с винтовками. Всех нас арестовали и отвели в зону. Заключенные очень своеобразно комментировали всю эту сцену и с хохотом подавали советы с баржи...

* * *

Мотор «Нивы» был заглушен. Я стоял у переезда, вспоминал и думал: почему бы не написать собственную биографию? Сама жизнь может быть намного прекрасней, страшней и богаче всех моих сочинений.

Вон слева, совсем рядом, был во время войны эвакогоспиталь, где лечили моего отца Ивана Федоровича. Отсюда он в последний раз приезжал домой. В этом же госпитале лежал и А. Н. Яковлев, с коим судьба сводила меня не однажды, и тоже, видимо, не напрасно...

Тут я опустил ветровое стекло: подошел молодой симпатичный цыган.

— Дед, а дед, свези в деревню, тут недалеко. Километров семь.

Что ж — дед, значит, дед. Пусть буду дедом. Никуда не спрячешься от собственной седины. Я сказал, что спешу, и проглотил раздражение, но парень не отставал:

— Свези, дед, мы заплатим!

— Я же сказал...

Старушка, сидевшая на автобусной остановке, женщина с двумя детьми — никто не просил меня свезти все ждали автобуса. А этот клянчил и клянчил. Запасы моего юмора быстренько истощились. Я уже поднимал ветровое стекло, но подошел второй цыган — такой же симпатичный и молодой, так же богато и даже с шиком одетый, хотя хромовые сапоги не очень-то шли к модной одежде.

— Во, у тебя «Нива»! Продай машину, дорогой, а?

Мы тебе хорошие деньги дадим! А? Смотри, телевизор купил, где купил? Продай телевизор!

(Я вез из ремонта в деревню небольшой транзисторный телеприемник «Юность».) Раздражала величайшая уверенность этих ребят в том, что все на свете можно либо купить, либо продать. По-видимому, они даже не подозревали о существовании какого-либо иного способа жить.

— Уйдите,— я попытался закрыть ветровое стекло.

Первый парень выругался по-цыгански. Я слышал эти слова в детстве, я знал, что это было гнусное ругательство, и... выскочил из машины. Парень, который выругал меня по-цыгански, со злобой выдавил:

— Мы тебя положим под колесо! Заведем твою машину и проедем разок вперед! Потом назад. Ясно?

Он слегка, вскользь, ударил меня по руке.

Мое состояние было уже, как говорится, неуправляемым, но шлагбаум как раз поднялся. Ребята с руганью ушли к автобусной остановке. Надо было ехать, сзади стояла вереница грузовиков...

* * *

За Соколом, по дороге к селу Архангельскому, обида слегка притупилась. Потом она, может быть, и вовсе сошла бы на нет, если б не встречная подвода. Среди широкого поля, мотая головой, навстречу мне шла лошадь, везла двукольную, груженную неизвестно чем телегу. Спереди, на перинах, полулежа, с закрытыми глазами ехал средних лет цыган, второй, постарше, с вожжами в руках, шагал рядом. Лежащий с закрытыми глазами держал на брюхе транзистор и слушал звуковую белиберду, называемую рок-музыкой. Мимо мчались машины, в поле убирали сено, газеты захлебывались от возмущения по поводу пустых прилавков и неурядиц в деревне. А этот ехал среди полей, развалиясь на перинах, с закрытыми глазами блаженно слушал чей-то воющий голос и тупую ритмическую работу ударника.

* * *

Как простить мне этих наглых парней, которые хотели положить «деда» под колесо?

И самое главное, прощать-то надо ли, нашептывает

мне кто-то. Прежде чем вспомнить гнусные оскорбления, нанесенные России журналистами «Саюдиса», эстонским профессором, радио «Свобода», прежде чем вспомнить хитроумные измышления парижанина Синявского, москвичей Виноградова и Лакшина, я вспомнил время войны, цыганскую свадьбу в доме, где росла моя мать Анфиса Ивановна.

Цыганская семья Тарновских жила в этом доме всю зиму, я всех превосходно помню. Помню суровую, суховатую Марью, мужа ее, шорника Сергея, и двух сыновей: Николая и Алексея. Николай был взрослый, ходил по игрищам, плясал с девками. Я учил его по букварю читать по слогам. С Алешкой, моим ровесником, мы были очень дружны и тоже ходили по игрищам. Когда нагрянули в Тимонику другие цыганские семьи и зашумела свадьба, в доме уже негде было ступить. Я на всю жизнь запомнил прекрасные цыганские песни. Их необъяснимое очарование навсегда осталось в душе, и я не хочу, чтобы кто-то, ученый и умный, раскрыл мне тайну этого очарования. А как плясала на свадьбе одна юная цыганка! Это было что-то совсем не здешнее, удивительное. Как звенели серебряные монеты в ее черных косах, как мелко и знойно дрожали, играли ее плечи и руки! Ноги под широкой цветастой одеждой были совсем не видны, зато слышны, и по этому звуку можно было представить, что они там выдывали! Нет, это была совсем не та пошлая и банальная «Цыганочка», бывшая в моде во время войны. Не похоже это было и на физкультурную пляску теперешних знаменитых «цыганских» ансамблей... Девушка плясала так самозабвенно, так счастливо... Около нее плясал, ходил, как спутник, Коля Тарновский и еще какой-то приезжий цыган, все гости пели вокруг пляшущих. Позднее, в армии, я несколько раз испытал то же чувство очарования цыганской песней, когда в часть приезжала ленинградская актриса Лебзак и когда смотрел в кино Николая Симонова в роли Феди Протасова. Но это была уже не жизнь, а искусство... Правда, искусство живое. Беда в том, что вскоре возоблагодало искусство мертвое. (С постановки «Живого трупа» в филиале Малого театра я ушел с половины первого акта.)

Цыгане были неразрывны с крестьянским деревенским бытом и с моим детством (наверное, я уже говорил где-то об этом), прощалось им очень многое, даже воровство и обман. Почему же сейчас я не могу простить этих ребят? Звучит и звучит в ушах угроза: «Мы положим тебя под колесо». Вспомнилось и «Красное колесо» Александра Солженицына. Горечь вскипает в душе, и я не замечаю, что на спидометре уже больше сотни...

Песни той незабываемой свадьбы, романтическая поэма Александра Пушкина, поставленная на сцене учителями нашей семилетней школы... Да, представьте себе. Глухая далекая моя родина. До ближайшей железнодорожной станции полсотни километров. Голод. Война. А учителя нашей школы ставят спектакль по Пушкину. Даже костер на этих маленьких тесовых подмостках: горит деревянный керосиновый фонарь, обтянутый с боков красной материей. А там, дальше по жизни, звучит уже «Не вечерняя» под глуховатый, тоже с непонятным очарованием голос Николая Симонова. Все это и было предисловием к моему собственному стихотворению «Цыганка»:

В конторе и тесно и жарко
Гудело собрание вокруг.
Разлетные брови цыганки
Меня ошарашил вдруг.

Дивлюсь! На колхозном собрание
Замкнулись скитаний века.
Уверенно, с милым стараньем
В перстнях голосует рука.

Нет, века не замкнулись колхозным собранием, и ничего нет хуже романтической, то есть искренней лжи, но мне почему-то до сих пор совсем не стыдно за эти наивные и слабенькие стихи. Утешаю себя: мало ли чего тогда не писалось? Были стихи даже о партбилете — явное подражание «молоткастому паспорту» и железным тихоновским гвоздям, сделанным из человеческой плоти. В армии я прочел тридцать три тома Горького. (Поставил себе такую задачу.) Читал по ночам в каптерке, сперва с удовольствием, даже гнусного «Челкаша», кото-

рого изучали еще в школе. А вот на «Городке Окурове» что-то сморило. Клим же Самгин совсем разочаровал. Публицистику Горького я одолевал с определенным внутренним неприятием, хотя все еще верил словам Буревестника о Достоевском: «...больная совесть наша».

Не скоро до меня дошло, что совесть никогда не бывает больной. Совесть всегда здорова, и либо она есть, либо — нет. Сколько же художественных хитростей свершено в литературе, сколько фальшивых художественных приемов существует на свете!

* * *

В «Останкине» на встрече с читателями меня спросили: «Одна из черт русского характера — доброта и связанное с нею терпение. Не эти ли качества и привели к застою?»

Иезуитский смысл вопроса не сразу и обнаружишь. От обиды я не знал, что и ответить. Начал с Белинского, который писал, что «завидует внукам и правнукам, коим суждено увидеть Россию в 1940 году». Сказал, что эта фраза великого критика больно колет мне сердце... Была какая-то общность, какое-то ускользающее родство между высказыванием Белинского и заданным вопросом! В сороковом году в России, которой завидовал демократ Белинский, было около десяти миллионов заключенных.

* * *

Некрасов вослед великому критику пишет: «Суда-гиганты побегут несчетною толпою, и будет вечен бодрый труд над вечною рекою». Можно ли назвать бодрым труд миллионов колхозников, миллионов высланных «кулаков» и миллионов лагерников? И сама великая река уже не река теперь, а каскад водохранилищ. Она перехвачена плотинами, задушена научно-техническим прогрессом. Оказалась невечной и сама река...

Сто лет назад Менделеев подсчитывал, что русских к шестидесятым годам нынешнего столетия будет вдвое больше, но вот что пишет один из читателей: «Мне 75 лет, я пережил все, о чем вы говорите. Осенью прошлого года случилось проехать по некоторым районам Кировской, Ярославской, Калининской, Псковской и Нов-

городской областей. И что же я увидел в этом огромном регионе, в самом центре России, в ее географическом узле, где завязалась в прошлом наша нация? Запустение, умирание наших деревень. Нет детей, нет молодежи, везде какое-то безмолвие. Впечатление такое, что как будто бы случилось что-то страшное и что-то похожее на огромный Чернобыль. Нечерноземный Чернобыль... В Калининской¹ области четырнадцать тысяч пустующих крестьянских домов. За период с 1972 года по 1986 год число сельских жителей Нечерноземья уменьшилось более чем на пять миллионов человек». Цифра сильно занижена, это официальные данные. «Несмотря на все это, наши ученые и демографы в своих многочисленных работах утверждают, что население Нечерноземья не уменьшается, а растет за счет высокой рождаемости. (Смотри демографический словарь, с. 33—34.) Ну, как же можно так врать! — рассуждает автор письма. — Двадцать пять лет я прошу Госкомстат опубликовать данные о естественном движении населения: рождаемость, смертность, естественный прирост в областях и республиках. Такие данные не публиковались с 1958 года. Госкомстат молчит». Дальше он пишет о страшных вещах, которые по сути никому не известны. Прирост населения в нашей республике, вернее в Нечерноземных областях, во много раз ниже, чем в среднеазиатских республиках. Рождаемость в Казахстане, например, в год 36—37 человек на тысячу, а в нечерноземных областях всего 3—4 человека...

* * *

Конечно же я забуду, прошу оскорбления, сделанные мне молодыми цыганами у железнодорожного переезда. Но никогда не смогу я простить президента Снегура, пославшего танки и самолеты на жителей Приднестровья. Гитлера, в борьбе с которым погиб Иван Федорович — мой отец. Дантеса, который убил Пушкина. Горбачева и Ельцина, предавших интересы моей Родины. Письмо Белинского Гоголю знает каждый школяр. А что ответил ему Николай Васильевич Гоголь, мало кто знает и по сей день. Белинский тоже не знал и, вероятно, еще больше утвердился в своей правоте.

---

¹ Ныне Тверская. (Прим. ред.)

«С чего начать мой ответ на ваше письмо, — писал Гоголь, — если не с ваших же слов: «Опомнитесь, вы стоите на краю бездны!» Как далеко вы сбились с прямого пути! В каком вывороченном виде стали перед вами вещи! в каком грубом, невежественном смысле приняли вы мою книгу! как вы ее истолковали!»

«Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации, но какое это беспредельное безграничное слово! Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации! Тут и фаланстьеры, и красные, и всякие, и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно: где наша цивилизация? Пустой призрак явился в виде этой цивилизации...»

«...вы отделяете церковь от христианства, ту самую церковь, тех самых пастырей, которые мученичеством своей смерти запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них, и наконец утомили своих палачей, так что победители упали к ногам побежденных, и весь мир исповедал ее ученье. И этих пастырей, этих мучеников-епископов, которые вынесли на своих плечах святыню Церкви, вы хотите отделить от Христа, называя их несправедливыми истолкователями Христа! Кто же, по вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние коммунисты и социалисты, объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние? Опомнитесь, куда вы зашли! Вольтера называете вы оказавшим услугу христианству и говорите, что это известно всякому ученику гимназии. Да, я, когда был еще в гимназии, я и тогда не восхищался Вольтером. У меня и тогда было настолько ума, чтоб видеть в Вольтере ловкого остроумца, но далеко не глубокого человека. Вольтером не могли восхищаться ни Пушкин, ни Суворов, ни все сколько-нибудь полные умы...»

Восемь страниц гоголевского текста литературоведы умудрились забыть, замолчать на все последующее столетие на том основании, что Гоголь не отправил ответ Белинскому. Мало кто знает об этом письме и из нашего просвещенного поколения.

Гоголь не отправил ответ Белинскому, он пожалел его... был христианином. Достоевский, в присутствии которого Белинский однажды материл Христа, тоже был христианин, но в письме Н. Н. Страхову из Дрездена (весна 1871 г.) он не жалеет Белинского, называет его «немогущим и бессильным талантишком», который «проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда». Н. Н. Страхов, по-видимому, пытался возражать, если судить по следующему письму Достоевского:

«Дрезден, 18-го (30-го мая) 1871 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич, вы прямо так-таки и начали ваше письмо с Белинского. Я это почувствовал. Но взгляните на Париж, на коммуну. Неужели вы один из тех, которые говорят, что опять не удалось за недостатком людей, обстоятельств и проч.? Во весь XIX век это движенье или мечтает о рае на земле (начиная с фаланстеры), или чуть до дела (48 год, 49 — теперь) — выказывает унижительное бессилие сказать хоть что-нибудь положительное. В сущности, все тот же Руссо и мечта пересоздать новый мир разумом и опытом (позитивизм). Ведь уж, кажется, достаточно фактов, что их бессилие сказать новое слово — явление не случайное. Они рубят головы почему? — Единственно потому, что это всего легче. Сказать что-нибудь несравненно труднее. Желание чего-нибудь не есть достижение. Они желают счастья человека и остаются при определении слова «счастье» Руссо, то есть на фантазии, неоправданной даже опытом. Пожар Парижа есть чудовищность: «Не удалось, так погибай мир», ибо коммуна выше счастья мира и Франции. Но ведь им (да и многим) не кажется чудовищностью это бешенство, а напротив... Итак, эстетическая идея в новом человечестве помутилась. Нравственное основание общества (взятое из позитивизма) не только не дает результатов, но и не может само определить себя, путается в желаниях и в идеалах. Неужели, наконец, мало теперь фактов для доказательства, что не так создается общество, не те пути ведутся к счастью и не оттуда происходит оно, как до сих пор думали? Откуда же? Напишут много книг, а главное упустят: на западе Христа потеряли (по вине католицизма), и оттого Запад падает, единственно отто-

го. Идеал переменялся и — как это ясно! А падение папской власти рядом с падением главы римско-германского мира (Франции и др.) — какое совпадение!

Все это требует больших и долгих речей, но вот что я, собственно, хочу сказать: если б Белинский, Грановский и вся эта... поглядели теперь, то сказали бы: «Нет, мы не о том мечтали, нет, это уклонение: подождем еще, явится свет и воцарится прогресс, и человечество перестроится на здоровых началах и будет счастливо!» Они никак бы не согласились, что, раз ступив на эту дорогу, никуда больше не придешь, как к коммуне и к Феликсу, Пиа. Они до того были тупы, что и теперь бы, уже после события, не согласились бы и продолжали мечтать. Я обругал Белинского более как явление русской жизни, нежели лицо. Это было самое смрадное, тупое и позорное явление русской жизни. Одно извинение — в неизбежности этого явления. И уверяю вас, что Белинский помирился бы теперь на такой мысли: «А ведь это оттого не удалось коммуне, что она все-таки прежде всего была французская, т. е. сохраняла в себе заразу национальности. А потому надо приискать такой народ, в котором нет ни капли национальности и который способен бить, как я, по щекам свою мать (Россию)». И с пеной у рта бросился бы вновь писать поганые статьи свои, позоря Россию, отрицая великие явления ее (Пушкина) — чтобы окончательно сделать Россию вакантною нацией, способною стать во главе общечеловеческого дела. Иезуитизм и ложь наших передовых двигателей он принял бы со счастьем. Но вот что еще: вы никогда его не знали, а я знал и видел, и теперь осмыслил вполне. Этот человек ругал мне . . . . . и между тем никогда он не был способен сам себя и всех двигателей всего мира сопоставить со Христом для сравнения. Он не мог заметить того, сколько в нем и в них мелкого самолюбия, злобы, нетерпения, раздражительности, подлости, а главное самолюбия. Он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо него? Неужели себя, тогда как мы так гадки? Нет, он никогда не задумался над тем, что он сам гадок; он был доволен собой в высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость. Вы говорите, он был талантлив. Совсем нет, и, Боже! Как наврал о нем в своей статье Григорьев! Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (например, о

Мертв. душах); он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь обличил. Здесь, в эти 4 года, я перечитал его критики: он обругал Пушкина, когда тот бросил свою фальшивую ноту и явился с повестями Белкина и с Арапом. Он с удивлением провозгласил ничтожество повестей Белкина. Он в повести Гоголя «Колыска» не находил художественного цельного создания и повести, а только шуточный рассказ. Он отрекся от окончания «Евгения Онегина». Он первый выпустил мысль о камер-юнкерстве Пушкина. Он сказал, что Тургенев не будет художником, а между тем это сказано по прочтении чрезвычайно значительного рассказа Тургенева «Три портрета». Я бы мог вам набрать таких примеров сколько угодно для доказательства неправды его критического чутья и «восприимчивого трепета», о котором врал Григорьев (потому что сам был поэт). О Белинском и о многих явлениях нашей жизни судим мы до сих пор еще сквозь множество чрезвычайных предрасудков».

* * *

Такие письма демократические литературоведы десятилетиями держат под спудом. Какое настырное надо иметь терпение, какую неустанную бдительность, чтобы замалчивать подобные документы, целые книги, значительные имена и даже великие события! Вот он подлинный-то застой и удручающее мертвящее постоянство. Но постоянство бывает всякое... «Постоянство в любви, в дружбе. Чем оно плохо?» (Из пьесы «По 206-й».)

* * *

И впрямь, иногда с трудом удерживаешься от соблазна цитировать самого себя. Неловкость испытываешь и тогда, когда приходится во второй, а то и в третий, и в четвертый раз печатно утверждать одну и ту же мысль. Но что же делать, если приходится? Делаешь это вовсе не от недостатка свежих еще не высказанных тобой мыслей, а оттого, что предыдущие, повторяемые тобой мысли слишком важны, а многие твои читатели по-прежнему не хотят их признавать. Пусть во второй и в десятый раз обзовую меня ретроградом, отсталым. Но я

во второй и в десятый раз буду упрямо повторять примерно такие слова: новое отнюдь не всегда является передовым, что дурному и убогому намного удобнее прятаться именно в нарочитой новизне, что благая подлинная новизна рождается как раз в постоянстве.

* * *

Взаимные отношения постоянства и новизны явственно проступают буквально во всем. Осмыслим... что, например? Ну, хотя бы перемену названий. Не будем говорить о названиях государства, в котором я живу и в котором жили все мои предки. Потолкуем о названии... магазина в городе Вологде. За мою бытность название одного такого заведения сменилось пять или шесть раз. Веселей ли от этого покупателям? Вспоминается металлический знак, врезанный в каменный пол при входе в одно римское кафе. Я перешагнул его с каким-то стыдливо трепетным чувством. Не стал касаться его своим башмаком, ведь по нему ступал когда-то Николай Васильевич Гоголь. Сохранился в этом кафе и столик, за которым он завтракал, и гравюры на стене висят те же самые. Если б хозяин сменил название кафе, он немедленно разорился бы. А каково было бы всем посетителям, и русским, и немцам! Ведь здесь пили кофе не только русские гении вроде Гоголя и художника Иванова.

* * *

Для того чтобы говорить о гениях, да еще публично, надо иметь безоглядную самонадеянность, приправленную изрядной долей нахальства. Что можно сказать, к примеру, о Толстом? Любое высказывание будет мелким либо совсем банальным по сравнению с тем, что сказал уже он сам. И не надо о нем говорить, надо просто читать (читать и перечитывать, как любил говорить Николай Рубцов).

* * *

Мы почти не знаем Толстого, а то, что знаем, касается лишь его художественных произведений. Но ведь Толстой не только гениальный писатель, он еще и философ. Он же и величайший протестант, и пророк, и обли-

читель, и педагог, и теоретик искусства. Массовому читателю не известна стихия толстовского наследия, мы живем по принципу «нет пророка в своем отечестве». Даже теперь, когда вроде бы ликвидирована политическая цензура, редакторы предпочитают Толстому Набокова и Ходасевича. А почему бы не напечатать в каком-нибудь журнале, например, толстовский трактат об искусстве?

* * *

Толстой говорит: «Утверждение о том, что искусство может быть хорошим искусством, но быть непонятным большому количеству людей, до такой степени несправедливо, последствия его до такой степени пагубны для искусства, и вместе с тем так распространено, так въелось в наше представление, что трудно разъяснить всю несообразность его... Мы привыкли к такому утверждению, а между тем сказать, что произведение искусства хорошо, но непонятно, все равно что сказать про пищу, что она очень хороша, но люди не могут есть ее. Да, отвечают на это, вы еще не принимаете этой линии, потому что вы неразвиты, и потому вы лишены этого удовольствия, мы же хотим доставить вам это высшее удовольствие, которое вы не знаете, а мы знаем».

* * *

«Кто это мы? И кто это вы?» — гневно спрашивает Толстой и так говорит о кучке людей, присвоивших исключительное право судить об искусстве: «Это крошечная кучка людей — паразитов, пришедшая к сознанию того, что нет Бога, нет смысла в жизни, что надо уничтожать себя, пока жив, наслаждаться, чем можешь». В другом месте Толстой утверждает, что «чувства правды, красоты и добра независимы от степени развития». «Как только художник, да и всякий работник в духовной области позволит себе сказать: меня не понимают не потому, что я не понятен (т. е. плох), а потому, что слушатели, читатели, зрители не доросли до меня, так он, с одной стороны, освобождает себя от всяких истинных требований всякого искусства, а с другой стороны, подписывает себе смертный приговор, подрывает в себе главный нерв искусства».

Толстой писал, что «обеспечение художников в их материальных нуждах есть самое губительное для производительности художника условие», что «художник будущего будет жить обычной жизнью людей, зарабатывая на свое существование каким-либо трудом».

К сожалению, даже Толстой не избежал некоторого нигилизма по отношению к своему времени и некоторой идеализации будущего. Да, гений Толстого не избежал разлагающего влияния новейших экстремистских идей, но гений его со всей своей мощью сопротивлялся такому влиянию, сопротивлялся прежде всего с помощью проповеди нравственности, самоочищения и самосовершенствования.

Что бы сказал Лев Николаевич о Чернобыле? О гибели Арала? О строительстве каналов Волга—Чограй и Дунай—Днепр, о затоплении обширных пахотных территорий и о гибели русских лесов?

Мы знаем примерно, что бы он сказал при виде всего этого. Это очень легко представить. Труднее предположить, что бы он сказал, если бы знал, что всего через три пятилетия после его смерти мы разрушим тысячи прекрасных культовых сооружений и не менее прекрасных гражданских памятников. Стал ли бы он так яростно громить русскую православную церковь? Осмелюсь предположить, что не стал бы...

Противоречие между художественным образом и идеологической установкой его создателя случается, вероятно, не только у средних талантов, но и у гениальных художников толстовского масштаба. Хотя представить А. С. Пушкина в роли воинствующего антиклерикального деятеля очень трудно. Но толстовская проповедь самосовершенствования звучит сейчас удивительно современно, даже злободневно. О какой перестройке может быть речь, если каждый человек сам, не дожидаясь указаний сверху или со стороны, не разберется в себе, своем окружении, в своем прошлом и настоящем? Толстой примером всей своей жизни призывает к нравственному максимализму, его совесть постоянно пульсировала, заставляла его ежедневно, словно на горячие угли, ступать дальше на пути самосовершенствования. Никто и ничто не поможет человеку стать лучше, кроме его совести, никто не поможет ему даже просто захотеть стать лучше,

если не разбужена его совесть. Ежедневно и ежечасно звучит в человеке этот внутренний голос совести. И нельзя делать вид, что голос этот настолько слаб, что его, мол, совсем не слышно... Прислушаемся к себе и обязательно услышим. А однажды услышанный, он начинает звучать все громче и громче...

ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

Посвящается академику
Федору Григорьевичу Углову

Зимой, когда кроны окидывал иней, они были похожи на три серебристо-белых облака, взметнувшихся и зависших над заборами и строениями. В такие дни даже вороны и галки боялись разрушить тишину, рожденную морозным загадочным сном этих деревьев. Три тополя спали безмолвно и величаво, ждали своего весеннего часа. Не просыпались они даже тогда, когда мороз убывал и ветер, дальний родственник тепла, с маху сдувал серебристую бахрому инея, пытаюсь раскатать ветви, ослабевшие на ветру.

Вот уходит зима. Мартовский холод еще господствует в тополях, но сквозь оголенные кроны уже синее золотая бездонная голубизна. Уже запахло и талой водой, а деревья все еще спят, по-младенчески доверяясь недолгому солнечному сиянию, синему небу, родимой Вологде, взрастившей их такими большими. Да, они все еще спят, они безмолвны, но они живы! В апреле кора деревьев наливается древесной кровью. Зеленец, еле заметный, проступает сквозь тополеву плоть. Не так ли проступает румянец на детских щеках во время глубокого сна?

Наконец сразу, в одну ночь, свершается пробуждение. Преодолев холодную косность, природа и в городе, и за городом враз отрешается от зимнего сна. Весенние неудержимые силы охватывают всю мощную плоть — всю до последнего мельчайшего корешка, до самой крохотной веточки. Миллионы коричневых почек затемнили кроны трех заводских тополей. Почки набухают и лопаются, чешуя падает на асфальт, приликая к